

РАКИТЯНСКИЙ
КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ЮСУПОВЫ И ИХ
СОВРЕМЕННОКИ В
КОНТЕКСТЕ
РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

МАТЕРИАЛЫ
X НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ

РАКИТНОЕ. 2024 Г.

ББК 63.3 (2 Рос – 4 Бел) 53-7.

К 93

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЗА ВЫПУСК: О. В. МОСИЕНКО

СОСТАВИТЕЛЬ: О. В. ВОЙТИШИНА

К 93 Юсуповы и их современники в контексте Российской истории: материалы X научно-практической конференции «Юсуповские чтения». 27 июля 2024 года / МБУК «Краеведческий музей — усадьба князей Юсуповых п. Ракитное»; О.В. Мосиенко, О.В. Войтишина. – Ракитное, 2024. – 49 с.

ББК 63.3 (2 Рос – 4 Бел) 53-7.

К 93

МБУК «Краеведческий музей — усадьба князей Юсуповых п. Ракитное», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

1. «Служение Отечеству и обществу как феномен дворянской интеллигенции на примере дворян Раевских, проживавших в нашем крае» Казьменкова Г.А. – научный сотрудник Мемориально-культурного комплекса В.Ф. Раевского.....4
2. «Дмитриевы – последние помещики в истории деревни Лукьяновки» Алтухова И.Д., главный хранитель музейных предметов Губкинского краеведческого музея.....8
3. «Ребиндеры: бытовой уклад семьи Ребиндеров в 1910-1917г.г.» Косенко З.В. - заведующая отделом развития и информационных технологий, Шебекинский краеведческий музей.....12
4. «Особенности домашнего воспитания детей в дворянских семьях в 18-19 веках» Дьячкова Алина Николаевна, учитель истории и обществознания МОУ «Ракитянская СОШ № 2 имени А.И. Цыбулёва».....18
5. «Дворяне Хлюстины в истории Красной Яруги» Радченко Г.М. – педагог-организатор МБУДО «Краснояружский центр дополнительного образования».....24
6. «Благотворительность и меценатство династии Харитоненко» Трифонова Е.В. – директор, Краснояружский краеведческий музей.....30
7. «Образ дворянства в произведениях С.Т. Славутинского» Черниченко М.Ф. - заведующая передвижной выставкой, Грайворонский краеведческий музей.....34
8. «Сабынино – усадьба семьи Волконских» Булипоп И.О. - научный сотрудник Историко-краеведческого музея Яковлевского городского округа.....41
9. «Библиотечное дело и народное просвещение в Курской губернии XIX– нач. XX вв.» Шиянова Г. В., заведующая сектором краеведения МУК «ЦБС Ракитянского района».....44

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ И ОБЩЕСТВУ КАК ФЕНОМЕН ДВОРЯНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ПРИМЕРЕ ДВОРЯН РАЕВСКИХ, ПРОЖИВАВШИХ В НАШЕМ КРАЕ

Казьменкова Галина Алексеевна,
научный сотрудник
Мемориально-культурного комплекса В.Ф. Раевского

Раевские проживали в с. Хворостянка и в д. Мышенка (Богословка) Старооскольского уезда в конце 18 - начале 20 века.

Немало представителей из рода этих Раевских служили Отечеству и обществу: проходили службу в русской армии, участвовали в войне 1812 года, занимались просветительской деятельностью, состояли на земской службе.

Начнем с отца знаменитого земляка Владимира Раевского – Федосея Михайловича, который в молодости служил в армии и закончил карьеру в чине майора. Уйдя в отставку в конце 18 века, он женился на Фениной Александре Андреевне и поселился в ее имении в Хворостянке. В 1804 году чета Раевских решили на свои деньги перестроить деревянную церковь Андрея Первозванного, сделать ее каменной. К сожалению, она была разрушена в годы советской власти. О ней напоминает только чудом сохранившийся камень из фундамента, на котором высечена надпись: «1804 года мая 18 дня усердием Федосея Михайловича и Александры Андреевны Раевских».

Владимир вспоминал, что в доме его отца была большая библиотека с книгами не только на русском, но также на немецком и французском языках. Она насчитывала не менее 2 тысяч книг. Федосей Михайлович был человеком живого ума и неиссякаемой энергии, он вносил большой вклад в развитие просвещения в оскольском крае. Более пятнадцати лет Федосей Михайлович избирался предводителем сначала Старооскольского, а в последние годы жизни- Новооскольского уездов. Он создал богатую библиотеку при уездном училище в Новом Осколе, в которой были собраны лучшие произведения российской литературы. Об этом даже писали в журнале «Отечественные записки» в 1822 году. Автор пишет: «Особенно же замечания достойна при сем училище дворянская библиотека, которая существованием своим обязана всеми уважаемому и любимому предводителю здешнего дворянства Ф.М. Раевскому».

Старшие сыновья Федосея Михайловича: Александр, Андрей и Владимир участвовали в Отечественной войне 1812 года. Им было соответственно 19, 18, 17 лет. 17 летний Владимир, только что

окончивший кадетский корпус в Петербурге в звании прапорщика, отправляется на службу в 23 артиллерийскую бригаду 4-го пехотного полка под командованием графа Остермана-Толстого. Через месяц начинается война с Наполеоном. Накануне этих событий отец приехал в Петербург, чтоб повидаться с сыном. В беседе с ним он намекнул Владимиру, что может оставить его служить при штабе в Петербурге, на что Владимир категорически ответил, что не спрячется за спины своих товарищей и не посрамит фамилии Раевских.

«...Ужель страшиться нам могилы?

И лучше ль смерти плен отцов?...» - напишет он в своем стихотворении «Песнь воинов перед сраженьем».

Семнадцатилетний юноша настроен патриотически:

«...Друзья! В пылу огней сраженья

Обет наш: Пасть – иль победить!»

Согласно формулярному списку, он участвует в 11 сражениях, в том числе в главном, Бородинском, за мужество, проявленное в нем, был награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». За активные действия под Гремячим – орденом «Святой Анны» 4 степени. За отличие в бою под Вязьмой Владимиру присваивается офицерский чин – подпоручика.

С сентября 1813 года по октябрь 1814 года Раевский находился в заграничных походах русской армии, преследовавшей остатки наполеоновской армии. Кстати, участником заграничных походов был и старший брат Владимира – Андрей, будущий поэт и литератор. Он написал большую книгу «Воспоминания о походах 1813 и 1814 годов». И сегодня она читается с большим интересом.

А Владимир продолжает службу в армии. С молодых лет он считал важнейшей задачей в России – просвещение народа и вся его последующая жизнь за исключением тюремных лет связана с просветительской деятельностью. После заграничных походов русский царь принимает решение о том, что солдат в армии надо обучать грамоте по примеру английской ланкастерской системы в школах взаимного обучения. Находясь на службе, Владимир Раевский обучает солдат грамоте в своей роте, а потом ему поручают командовать полковой школой, потом дивизионной. И у Раевского это отлично получается: он составляет программы и прописи для обучения солдат, часто сам проводит занятия, совмещая их с революционной пропагандой среди солдат. Годы службы Раевского на юге России, когда он обучал солдат грамоте, когда состоял в «Союзе Благоденствия» и «Южном обществе», когда был дружен с Пушкиным, он назовет в письме к сестре Вере «лучшими годами своей светлой общественной жизни». Кстати, когда Раевского принимали в «Союз благоденствия», он ознакомился с Уставом организации и радостью отметил для себя, что главной задачей общества является просвещение народа.

В сибирской ссылке он прожил 44 года. Когда прибыл в Сибирь, был

поражен: как много в этом крае винокуренных заводов и кабаков, и как очень мало школ. А в селе Олонки Иркутской губернии, куда был сослан, было всего два грамотных человека: священник и полицейский. Первое, чем занимался Раевский в Сибири – это обучение сначала детей, а потом и взрослых грамоте. Все годы жизни в Сибири Раевский помогал простым людям советом, делом и, если были деньги, деньгами. Он выступал за них в мировых судах, писал от их имени прошения, жалобы. Не раз в «Иркутских ведомостях» печатались статейки Раевского о том, что чиновники, пользуясь неграмотностью народа, обсчитывают рабочих и крестьян при расчетах. Его возмущало, что на всю Восточную Сибирь с двумя миллионами населения имеется всего одна гимназия, в которой только 120 воспитанников. Он писал: «Чтобы исправить, спасти народ, необходима повсеместная обязательная грамотность». Когда у него не стало хватать времени на обучение детей и взрослых, он на свои деньги нанял учителя и помещение для школы в Олонках. В конце 19 века по переписи населения село Олонки было самым грамотным селом в Восточной Сибири. Несомненно, это заслуга нашего земляка.

Сестра Раевского, Любовь Федосеевна, проживая после смерти родителей в их доме, также занималась просветительством в родном селе. На свои средства открыла в Хворостянке школу для сельских детей, и сама была учительницей в ней. Выписала из Швейцарии 2 токарных станка, набор столярных и переплетных инструментов, швейные машинки для обучения детей. Владимир с оказией послал ей книги для школы из Сибири. А во время приезда на родину в 1858 году лично привез в школу несколько пачек книг и пособий. В 1887 году сестра передала школу министерству Просвещения. Также она принимала участие в создании школы в х. Александровском, в д. Ливенка.

Двоюродный брат декабриста - Владимир Гаврилович Раевский, проживая в д. Мышенка (Богословка) содействовал в открытии начальной школы в д. Рыжковка, а его сын, Николай Владимирович, занимая пост Председателя Старооскольской уездной управы, а потом Председателя Курской губернской, руководил открытием школ, изб - читален и библиотек в Старооскольском уезде, по всей Курской губернии и в родной Мышенке, и в Хворостянке. Как и его предок-декабрист, Николай Владимирович считал важнейшей задачей в России – просвещение народа. Он был инициатором проведения в Курске в 1902 году первой всероссийской педагогической выставки, в которой участвовали более 30 губерний и уездов России. 25 лет Николай Владимирович отдал земской службе, из них 20 лет на родной курской земле. Он прошел все ступеньки земской службы, начиная от сельского писаря и волостного учетчика в родном селе до поста Председателя Курской губернской управы и городского Головы Баку. Кстати, в Баку он также руководил открытием школ, гимназий, занимался организацией санитарной службы, которая была в Баку одной из лучших в стране. Большая заслуга нашего земляка в том, что ему удалось (за этим его и

пригласили в Баку) организовать строительство так нужного городу водопровода, по протяженности который и сегодня, спустя 100 лет, остается самым длинным в Европе.

в доме Николая Раевского в с. Богословка располагается музей декабриста Владимира Раевского, сельская библиотека, Дом ремесел, филиал детской музыкальной школы.

Библиотека, расположенная в рабочем кабинете Николая Владимировича Раевского, носит его имя.

Библиографический список

1. ГАКО. Фонд по выселению бывших помещиков Р- 775-ОП 1- Д 326 Николай Владимирович Раевский – Лл 2- 30
2. Бурлачук Ф.Ф. Владимир Раевский. – М.: Мол. Гвардия, 1987.
3. Бурлачук Ф.Ф. Белый лебедь. – К.: Рад .письменник, 1987.
4. Казьменкова Г.А. Николай Раевский: исторический портрет
5. Крупенков А.Н., Крупенков Н.Ф. Судьба декабриста. Белгород, МП «Квант», 1994.

ДМИТРИЕВЫ – ПОСЛЕДНИЕ ПОМЕЩИКИ В ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ ЛУКЪЯНОВКИ

Алтухова Ирина Дмитриевна,
главный хранитель
МБУК «Губкинский краеведческий музей»

История деревни Лукьяновка (сейчас – микрорайон города Губкина) уходит в середину XVIII века. В середине 1750-х годов тайный советник обер-прокурор Сената Лукьян Иванович Камынин (1720-1788) на левобережье Оскольца основал деревню, названную его именем. Впоследствии деревню приобрел действительный камергер Алексей Федорович Сабуров (1748 - после 1804). В 1880-е годы часть этих земель перешла к дворянке Альфгильде Алексеевне Скалон (1849-1929).

В 1903 году имение Скалон площадью 2369 десятин земли с водяной мельницей и хозяйственными постройками купил Николай Петрович Дмитриев.

Н.П. Дмитриев (1860-1910) – коренной одессит. Служил в Министерстве юстиции. Затем был избран гласным городской управы Одессы. Его прочили на пост городского головы Одессы, но по здоровью в 1903 году он ушел в отставку и переехал в Санкт-Петербург, где служил чиновником IV класса (это - генерал-майорская должность) в Департаменте местных учреждений Министерства внутренних дел.

В 2018 году в Санкт-Петербурге вышла книга В.В. Скурлова «Семейный альбом за 200 лет», первый раздел которой посвящен династии Дмитриевых, так как жена Скурлова - правнучка Н.П. Дмитриева.

В.В. Скурлов в 2017 году в поиске материалов о Дмитриевых приезжал в Старооскольский и Губкинский краеведческие музеи, поэтому в книге опубликованы не только документы Российского государственного исторического архива и семейные архивы И.Л. Новиковой (Скурловой) и ее родственников, но и Государственного архива Курской области. Найти удалось немного документов, однако они позволяют проследить жизнь семьи, а фотографии членов семьи, жилого дома и усадебных построек, датированные 1906-1915 годами, показывают повседневную жизнь имения: катание на лодке по Оскольцу, конные и пешие прогулки, отдых в доме и крестьянские работы. К сожалению, в 1906-1907 годах имение в Лукьяновке было сильно разграблено местными крестьянами.

В телеграмме Курскому губернатору Н.П. Дмитриев 22 апреля 1906 года сообщал: «В течение трех недель крестьяне самовольно выпасают скот в количестве около двух тысяч штук на моей земле. Убедительно и почтительно прошу распоряжения Вашего Превосходительства об

оказании мне содействия к ограждению моих прав и к прекращению глумления лукьяновских крестьян над властью и законом» [1].

По распоряжению Курского губернатора старооскольский уездный исправник Успенский съездил к Н.П. Дмитриеву, чтобы разобраться в причинах конфликта. Исправник оказался дотошным и в своем рапорте очень подробно описал ситуацию: «Крестьяне за выпасы прошлого года задолжали Дмитриеву 170 рублей. Вследствие чего Дмитриев объявил крестьянам, что до уплаты ими старого долга и задатка ста рублей за новый год он не позволит крестьянам гонять их скот по его землям. 22 апреля, когда объездчики подъехали к пастухам с требованием согнать скот, то пастухи бросили скот и сказали «Так стерегите сами». Но, тем не менее, крестьяне обязались уплатить Дмитриеву долг на следующий день, для чего собрали сельский сход» [2].

Далее Успенский подчеркнул, что в его присутствии крестьяне собрали и уплатили Дмитриеву 55 рублей, а для уплаты остального долга и задатка решили взять 200 рублей из общественных денег, которые хранятся у них в сберкассе. Дмитриев в тот же день разрешил крестьянам пасти их скот на его землях. При этом уездный исправник посетовал, что Дмитриев обратился к губернатору по такому пустяковому делу, ведь у него есть телефон, а на дворе живет пристав и 13 стражников.

Но конфликт разрастался, и в июльских телеграммах - буквально крик души. 4 июля Н.П. Дмитриев пишет: «Крестьяне во главе со старостой, поделили мою землю и уже пашут ее, свозят с полей мой хлеб. Аренду земли 16 000 рублей не уплатили, а обеспечивавший получение этих денег хлеб свезли. Десять вооруженных стражников оказались не в силах противостоять толпе свезшей вчера ночью сто десять копён ржи и овса с моего посева. Убытки мои превысят 25 000 рублей, что равносильно моему разорению» [3].

Через неделю, 12 июля, - «Целым рядом незаконных действий крестьян деревни Лукьяновки я буквально лишен собственности на свое имение и разорен» [4].

Вероятно, эти события серьезно подорвали здоровье Н.П. Дмитриева. Он стал часто болеть и в 1909 году вместе с женой Софией Васильевной отправился на лечение в Ниццу. В декабре из Петербурга на рождественские каникулы к родителям приезжали старшие дочери Ксения и Ольга, воспитанницы Екатерининского института. До границы их сопровождал дядя В.В. Савич, а на границе встречала мама. Таким же образом девочки возвращались с каникул. В октябре 1910 года Н.П. Дмитриев скончался. Его останки вдова привезла и похоронила в Одессе.

В газете «Одесские новости» 19 октября 1910 года в некрологе о Н.П. Дмитриеве перечислены его заслуги: «... Ему удалось осуществить ряд крупных мероприятий, имевших большое значение для благоустройства нашего города.

Н.П. Дмитриев создал в слободе Романовке нечто вроде муниципального городка, организовал постройку новой городской

больницы, механических хлебопекарни и прачечной. При нем же было расширено городское водоснабжение, и Одесский городской водопровод стал подавать свыше 5 млн. ведер воды в сутки. Он улучшил состояние двух курортов. Провел к ним водопровод, засыпал обширную солончаковую площадь землей, развел небольшой парк».

После смерти Н.П. Дмитриева его земли в Курской и Херсонской губерниях перешли по наследству вдове и дочерям. Решением Одесского окружного суда от 21 декабря 1910 года вдова София Васильевна получила 7-ю часть наследства, а остальное в равных частях дочери - Ксения, Ольга и малолетняя София. Для погашения долгов умершего имения в Одесском уезде им разрешили продать [5]. Лукьяновское имение Старооскольская дворянская опека в 1911 году оценила в 473 000 рублей. Имение приносило в среднем до 30 000 рублей в год, которые полностью расходовались на содержание дочерей, уплату долгов и налогов. Все сестры Дмитриевы закончили одно и то же высшее учебное заведение – Училище ордена Святой Екатерины (то есть Екатерининский институт). В своей книге В.В. Скурлов неоднократно подчеркивал, что все сестры поражали южной красотой, ведь в них текла греческая кровь.

В 1914 году Ксения вышла замуж за выпускника Пажеского корпуса Бориса Константиновича. Это потребовало крупных расходов. Чтобы избежать продажи имения с публичных торгов, София Васильевна сначала заложила имение в Государственном дворянском земельном банке, а затем и перезаложила его на сумму 60 000 рублей [6]. Вслед за старшей сестрой вышла замуж Ольга за Бориса Новикова, мичмана Балтийского флота.

В Лукьяновке Дмитриевы жили до 1916 года. По воспоминаниям старожилов в июле 1917 года лукьяновские крестьяне самовольно увезли копны с арендованной у помещиков земли. В письме С.В. Дмитриевой управляющий Богданович жаловался, что в ответ на требования об уплате денег крестьяне стащили его с телеги, избили и повели в Старый Оскол. На пути следования из подсолнухов выскочили два солдата, которые вместе с четырьмя сопровождающими напали и начали его избивать. Могли бы убить, если бы он не убежал. В деревне Богдановича поймали и после новой порки отправили к городским властям с угрозой убить, если он вернется в деревню. Тем временем крестьянские дети побили окна в его доме.

«Имение осталось на произвол судьбы. Местные власти радикальных мер не применяют. Прошу выслать вооруженную силу для водворения порядка», - телеграфировал Богданович в Курск губернскому комиссару.

После Октябрьской революции связь Дмитриевых с Лукьяновкой прервалась. Имение было заброшено, постройки постепенно разрушались.

София Васильевна Дмитриева с младшей дочерью Соней поселилась на улице Рубинштейна в Петрограде. Чуть позже к ним из Хельсинки переехала средняя дочь Ольга. Она одна воспитывала двоих сыновей, так

как ее муж Борис Новиков сначала воевал в Белой армии, затем оказался в Бейруте (Ливан). Из эмиграции он писал жене, что ждет и надеется на ее приезд. Ольга не ответила, так как ответ мог поломать жизнь сыновьям.

Когда началась Великая Отечественная война Ольга вместе с другими женщинами рыла окопы на подступах к Ленинграду, а во время блокады работала в обсерватории им. Воейкова. По воспоминаниям племянницы рассказывать о войне и блокаде Ольга Николаевна не любила. Говорила, то варила клейстер из кожи, жгла мебель и паркет в печке. Помогали сыновья, которые воевали на Дороге жизни и Ленинградском фронте.

В 1925 году младшая дочь София вышла замуж за инженера Александра Варкулова, который участвовал в строительстве портов во Владивостоке и Сочи, работал в Москве. После войны они возвратились в «отдельную коммунальную квартиру» на Рубинштейна. В начале 1960-х годов приезжала и старшая из сестер Дмитриевых – Ксения, оказавшаяся вместе с мужем, воевавшим в Белой армии, в эмиграции, и жившая в Бухаресте (Румыния).

В 1950-1970 годы Ольга и София занимались воспитанием племянниц и внуков. Одна из них рассказывала: «Обе дамы, получившие в свое время воспитание и образование в Екатерининском институте, имели определенное представление о том, что должна знать и уметь девочка из приличной семьи. Вся детская жизнь проходила в занятиях танцами, английским языком, чтении и путешествиях. Несмотря на скромные материальные возможности Ольга Николаевна умела создать обстановку праздника. На Пасху всегда пекла куличи. Стол накрывался белой скатертью, ставились праздничные тарелки и дореволюционные рюмки из хрусталя. Приходили родственники. Все было торжественно и достойно. Хотя она не ходила в церковь, но традиции соблюдала свято».

В апреле 2021 года Валентин Васильевич Скурлов приезжал в Губкин. Были организованы встречи с сотрудниками краеведческого музея, библиотекарями и краеведами. Исследователь подарил музею свою книгу и качественные электронные версии фотографий семьи Дмитриевых и деревни Лукьяновки начала прошлого века.

Библиографический список

1. ГАКО, Ф.1 с. Оп. 16. Дело 6.
2. ГАКО, Ф.1 с. Оп. 15, ед. хр. 19, л. 289
3. ГАКО, Ф.1 с. Оп. 16. Дело 6.
4. Там же.
5. РГИА, Ф. 1352. Оп. 22. Дело 477.
6. РГИА, Ф. 1352. Оп. 22. Дело 661.

КАК ОНИ ЖИЛИ: БЫТОВОЙ УКЛАД СЕМЬИ РЕБИНДЕРОВ В 1910–1917 ГГ.

Косенко З.В.,
зав. отделом научно-экспозиционной
и просветительской работы МКУК
«Шебекинский историко-художественный музей»

История Отечества, история народа – это не только история военных действий, биографии исторических личностей и хронологический перечень дат и событий. Это ещё и мозаика из разнообразных и малоизученных фактов, которые, быть может, имеют не меньшее значение, чем вышеперечисленные. Краеведческая составляющая родной стороны, бытописание, жизнь различных категорий населения также важны для изучения, ибо они дают возможность понять место человека в событиях эпохи, его переживания и надежды, проследить судьбу своих предков, земляков, шире – родной земли.

Мой доклад посвящен жизненному укладу семьи баронов (а перед Первой мировой войной – графов) Ребиндеров как ярких и типичных представителей дворянского сословия Белгородчины. Составлен он по воспоминаниям Бориса Александровича Ребиндера (род. 1909) и Александра Николаевича Ребиндера (род. 1900), значительную часть времени (до эмиграции) проживших в Шебекино. И хотя большую часть воспоминаний, относящихся именно к бытовой стороне жизни дворян на Белгородчине, составляют воспоминания ребенка, которые дискретны и эмоциональны, это, в свою очередь, придает им особую правдивость и выразительность.

Семья Ребиндер во многом уникальна своим хозяйством высокого класса, а также тем, что практически все время проводила в российской глубинке – селе Шебекино.

В то же время, их быт и весь уклад жизни был типичен для нашего региона, это подтверждают многочисленные воспоминания о путешествиях семьи Ребиндеров к соседям и соседей в Шебекино и ни разу не выказанное при этом удивление различиями в бытовом укладе. Что интересно, юг Белгородской и север Харьковской областей (в современных границах) в начале XX века был довольно редко заселен длительно проживающими помещиками (исключая крупные города). Так, Ребиндеры считали близкими соседями дворян, живших более чем на 60-километровом отдалении, причем в обе стороны от современной русско-украинской границы. Сами же они и их дети общались и с русским, и с

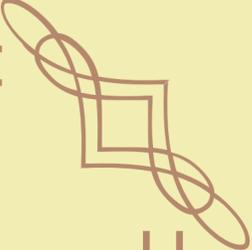
украинским населением территории, не делая различий и даже отмечая особую певучесть и притягательность украинского языка. Друзей же и приятелей у семьи было значительно больше в более отдаленном Харькове, нежели в Белгороде.

Центр села Шебекино составляли три дома – по числу владельцев хозяйства. Два из них большую часть времени пустовали, жизнь бурлила лишь в доме управляющего именем Александра Александровича Ребиндера. Он проживал в Шебекино вместе с женой Екатериной Алексеевной (урожд. Татищевой) и четырьмя детьми – Александром, Борисом, Марией и Михаилом. Дом А. Ребиндера был построен шебекинским архитектором Н. Михайловым и представляет собой (памятник сохранился) яркое смешение стилей модерна и барокко. Спроектирован он был очень удобно, выходя верандой на реку с видом на закат. Все его устройство, по воспоминаниям Бориса Ребиндера, было крайне экономичным и комфортным, однако интересен даже не сам дом, а его окружение, составленное самими Ребиндерами. Так, между тремя домами семьи был яблоневый сад, в основном антоновки, вкус которой не могли забыть Ребиндеры и в эмиграции. Вода от электростанции, расположенной на другом берегу реки Нежеголь, поступала в ручей, который питал сад. Борис Ребиндер вспоминает частые жаркие и засушливые летние сезоны, когда такое снабжение водой было просто необходимо. В самом укромном месте сада располагался маленький сосновый бор. Это была самая его теплая часть, называемая по-семейному «Италией». Красивейшим местом в саду был молодой ельничек, где ели росли так густо, что там можно было спрятаться. В середине бора было оставлено прямоугольное пространство, огороженное дощатыми стенами, чтобы принимать солнечные ванны. Под ногами был уложен морской песок, выписанный отцом семейства из Крыма для имитации пляжа. Там же был установлен душ.

Окна детской столовой выходили на незастекленную веранду. Там постоянно – за этим следила Екатерина Алексеевна – были высажены декоративные растения и находились клетки с птицами. Что интересно, вместе с певчими пернатыми содержались и молодые петушки.

Все улицы села Шебекино Ребиндеры постарались качественно обустроить, особое внимание уделяя брусчатому покрытию. Это было особенно важно в условиях активного хозяйствования. Но вокруг имени дороги были грунтовые и, по воспоминаниям Б. Ребиндера, особенно трудно было проехать по немощенным дорогам весной, когда земля становилась скользкой и колеса повозок оставляли глубокие колеи. Управляющему имением приходилось убеждать крестьян проезжать по самому трудному месту, чтобы часть дороги сохранить ровной для автомобилей. Летом машины поднимали ужасную пыль, и во время прогулок всей семье приходилось надевать поверх одежды льняные пальто, а женщины еще и завязывали тюлевыми шарфами свои шляпы.

Ребиндеры редко принимали гостей и так же редко выезжали в гости

сами. Детям запрещено было знакомиться с крестьянскими детьми, общаться можно было лишь с семьями служащих шебекинских предприятий да изредка – всего несколько раз в год – с приезжающими или принимающими у себя в гостях другими дворянами. В пять лет неизгладимое впечатление на Бориса произвела «барышня Ася», причем исключительно тем, что бегала быстро, как крестьянские дети... Но знакомства с другими представителями дворянства оставались на всю жизнь – позже, в эмиграции, семья с радостью встречала бывших соседей или даже далеких родственников соседей, знакомых просто по переписке.

Отца дети практически не видели – он занимался делами хозяйства, инспектируя отдаленные экономии или «заседавая в конторе». Даже тогда, когда он был дома и находился в своем кабинете, его запрещено было беспокоить даже старшему сыну. Мать была постоянно занята по хозяйству, следя за всем, что делается в доме, пристройках для слуг и на кухне. Семья Ребиндеров нанимала слуг из жителей своего же села. Все – от лакеев до кучеров – были шебекинцами или жителями близлежащих сел. Брали лишь проверенных людей, о которых затем всячески заботились, чужих же крестьян старшие представители семьи недолго любили. Александр Ребиндер пребывал в постоянном и необъяснимом страхе за своих детей, боясь похищения и последующего требования выкупа, поэтому на прогулках их сопровождал полицейский.

Из иностранцев или просто иногородних слуг семья нанимала лишь гувернанток. Кроме них у детей была кормилица – до 3-4 лет, а также няня – вплоть до совершеннолетия. Двумя последними Ребиндеры дорожили не в пример больше. Так, некая мисс Ривс, затребовавшая увеличения жалования, немедленно получила расчет, а, выписав из столицы русскую няню Ольгу, Ребиндеры сделали все, чтобы она прижилась и вышла замуж за шебекинца, оставшись таким образом в семье. Что интересно, именно эта девушка сопровождала осиротевшую после расстрела семью во всех их мытарствах вплоть до эмиграции. Борис Ребиндер впоследствии признавался, что если он и «обладает какими-либо достоинствами, то они перешли от русской Ольги». Иностранские гувернантки соответствовали разным периодам жизни ребенка, и поэтому, когда Ребиндеры впоследствии хотели установить, когда произошло то или иное событие, то пытались вспомнить англичанку или француженку, которая находилась в доме в тот момент. Русское же окружение оставалось постоянным и менялось редко, оказывая большое влияние и на самих хозяев.

Достаточно непривычным сегодня нам покажутся особенности воспитания детей. Они жили обособленным, строго устроенным мирком, в котором заправляла, но опосредованно, через няню, мать. У каждого из младших Ребиндеров была своя спальня, часто детям было одиноко и страшно по ночам, поэтому им иногда позволялось ночевать в материнской, которая так же была отделена от отцовской. Но общение с матерью было не частым. Показательно, как удивились трое ни о чем не

догадывавшихся старших детей, когда им объявили, что у них родился брат, и привели в спальню к Екатерине Алексеевне.

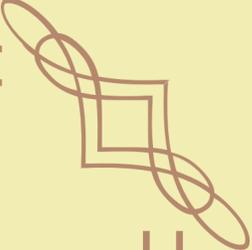
Лишь после пяти лет детей допускали за общий стол. Воспоминания о том, как вся семья собиралась в столовой, – наиболее живые и яркие у Бориса Ребиндера. Так, он запомнил достаточно простую по сравнению со столичной пищу, довольно недорогие столовые приборы (особо ценные выставляли лишь к приезду гостей или родственников). Такая привычка – беречь кухонную утварь – привела к тому, что некий недобросовестный лакей тайком уносил значительную часть столового серебра и припрятывал его под усадебным дубом. Тайник обнаружили, когда на том месте решили начать стройку.

Значительным исключением в простоте сельской кухни было употребление спаржи. Ее местные крестьяне соглашались выращивать, чистить и готовить, но только не видеть процесс ее поглощения. Как отмечал Борис Ребиндер, «к счастью, у нас были братья кучера Афанасия, которым не составляло никакого труда подавать саржу на стол. Наверное, они были более восприимчивы к европейской цивилизации, чем большинство крестьян Шебекино».

Спиртное подавалось к столу редко. Но все – и взрослые, и дети – очень любили десерт «Груши в красном вине». Белого вина не подавали вообще. Дети всю еду запивали молоком, взрослые – квасом. Лишь Николай Татищев (брат Е.А. Ребиндер) имел право на бутылку хорошего красного вина. В погребе было большое их количество, которое, не употреблявшись, имело значительную выдержку. Впоследствии, в 1917-м году, все вино по приказу Александра Ребиндера бросили в колодец. Сам владелец имения сопроводил это словами: «Из всего, что я не смогу оставить своим детям, вино – единственное, о чем я не жалею»...

Так же редко детям доставались сладости. Это не значит, что их не было – в слободе имелись две крупные по тем временам торговые лавки, и предметом редко покупаемого вожделения младших Ребиндеров были продававшиеся в них пряники. А вот из часто перепавших сластей Борис Ребиндер помнит... сушеные яблоки! В хозяйстве была установлена ротационная сушилка для фруктов, которые очищали от кожуры местные женщины. Дети сами, открывая печь, вращали барабан и находили противень с яблоками или грушами. Особенно нравились Борису Ребиндеру сушеные сморщенные яблоки с отверстием посередине – без сердцевины...

Возможность узнать, как принимали гостей в семьях Ребиндеров, предоставляют воспоминания Александра Николаевича Ребиндера, который стал главой семейства после расстрела своего отца и дядей: «Встретив всех на парадном и указав каждому свою комнату, я, когда первая суматоха улеглась, пошел к себе наверх в кабинет, где сидели дядя Мизи, Ника и только что приехавший в отпуск Алекс. В 7 часов раздался звонок к ужину и я пошел, в сопровождении дядя Мизи, который мне помогал в моих нелегких обязанностях хозяина дома, в холл встретить

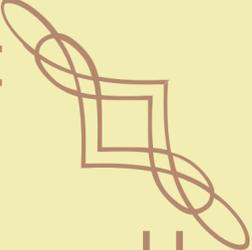

гостей. Когда все собрались, мы пошли в столовую, где стол был раздвинут от одной стены к другой. Ужин был парадный, помню, что на первое подали блинчатый пирог с отменной начинкой, затем было вино, преимущественно красное. Сидело нас за столом человек 18 и подавали в две смены. Я был на председательском месте, как это вошло у нас уже в обычай после смерти Папа, направо от меня сидел генерал, а налево – полковник, все были распределены строго по чинам. Наконец, к великому моему облегчению, ужин закончился, и мы все вышли в холл, тут некоторые гости разбрелись вокруг бильярда, где Дядя Мизи с кем-то играл, другие расположились в библиотеке, рассматривая гравюры и книги, а я повел генерала и полковника показывать дом. Мы обошли все комнаты, и я их пустил даже в церковь, но предварительно пришлось объяснить, что с сигарой туда войти нельзя. Церковь им очень понравилась, особенно некоторые старинные иконы» (1918 г., в гостях были немецкие офицеры).

Все время проводя в своем имении, не выезжая в столицу, а лишь в Кисловодск вместе с детьми, Ребиндеры практически не отмечали праздников. Эпохальными событиями сельской жизни становился приезд родственников – дяди Николая и тети Мары, бабушки Александра, а также редкие болезни. Так, в грудном возрасте у Бориса заболели глаза и его решили показать специалисту в Белгороде. Чтобы отвезти туда младенца, потребовалось 14 лошадей. Две лошади везли ландо с младенцем и матерью, четыре – коляску с няней и кормилицей и еще одна – телегу с багажом. Через каждые 12 км лошадей меняли.

Рубежным событием семьи было Рождество, по воспоминаниям Бориса Ребиндера, – тихий и скромный, во многом лирический праздник. Гостей в это время года практически не было, не было и особого распорядка дня, зато были подарки. Например, в Рождество 1911 года – одно из самых мирных и спокойных в семье – были подарены слон на колесиках германского пр-ва, тележка с двумя куклами, мужчиной и женщиной, коробка с головоломкой, где были изображены два кролика, грызущие морковку.

Своеобразным окном в прошлое, в другое эпохальное событие сельского года – охотничьи забавы южнорусских дворян, становятся воспоминания Александра Николаевича Ребиндера. Сам не раз отмечая, что все проходило, как при Папа, он описывает это так: «Это было глубокой осенью 1918 года. Я решил устроить большую облаву, ... недели за три еще до срока я послал собакея Ивана Колесникова на разведку, чтобы он разнюхал, где имеются волки, в каком количестве, и уладил бы дело с загонщиками. Около середины октября мне донесли, что в Муромских лесах имеется около 8-9 выводков волков и что они почти ежедневно режут скотину, и селяне с удовольствием дадут загонщиков... Выезд был назначен в 5 ч утра, так как путь был далек – 18 верст и то с порядочным гаком. На следующий день мы все выехали, как было условлено, и разместились в 9-ти экипажах... Было еще совсем

темно, когда мы тронулись, и светать начало, только когда мы подъезжали к Мурому. Итак, одев сверх своей охотничьей куртки, на которую я как всегда с помощью Прокофия нацепил патронташ, свиту и захватив на всякий случай свой полушубок, я уселся в бричку, удостоверился, на месте ли ружье, и крикнул, когда увидел, что все готовы: «С Богом!» Часам к 9 с половиной утра спустились в лощину к сторожке лесника на сборное место. Муромские леса... находятся в 6 верстах от села Муром в очень дикой местности, изрезанной большим количеством оврагов с глухими чащами, иногда очень трудно проходимыми. Это излюбленное место волков, и там, да еще в Репном, издавна охотился Папа, таким образом места сии были как бы традиционные. Вылезши из экипажа, мы стали расправлять окоченевшие от долгого сидения ноги и греться в хате. Дядя Мизи сейчас же вытащил флягу с коньяком и стал ею угощать... Начало облавы было назначено к 10 часам, ждали только волков. Я между тем совещался с Иваном, как лучше всего поставить генерала, чтобы на него вышел волк, а то бы еще обиделся, пожалуй. Иван посоветовал поставить генерала на 17 номер, как наиболее лучший. Между тем собрались уже загонщики, человек около ста – все ребятишки из окрестных сел, но были также и мужики... Потом дядя Мизи приступил к раздаче номеров. Дистанция между номерами 20 шагов. В первом загоне стрелять только по волкам, во втором можно и по лисицам, а в третьем по всему что угодно, и прекращать стрельбу по сигналу рожка. Загонов предполагалось три – два до обеда и один после. ...

Около 4 часов я дал отбой и мы все потянулись к сторожке. Тут нас ожидал довольно неприятный сюрприз: оказывается, вартовые раздобыли остатки водки, напились сами, но это еще ничего, а главное – перепоили всех наших кучеров. С большим трудом мы кое-как привели их в христианский вид и велели запрягать. Итак, охота кончилась и весьма удачно: всего было убито 6 волков, 5 лисиц и 21 заяц»...

Без сомнения, воспоминания людей, живших или живущих ныне, – тех, кого принято считать обывателями – не имеют доказательной силы официальных событий и исторических фактов, они субъективны и малодинамичны и, возможно, представляют интерес лишь для узкого круга краеведов. Но ушедшая жизнь давно исчезнувших людей, не последних в своем социальном слое, через взор очевидцев позволяет с изумительной точностью увидеть, расцветить прошлое. Именно эти крупницы памяти о прошедших годах, сохраненные и представленные нами, способны вдохнуть жизнь в сухую летопись истории Отечества.

ОСОБЕННОСТИ ДОМАШНЕГО ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ В ДВОРЯНСКИХ СЕМЬЯХ В 18-19 ВЕКАХ.

Дьячкова Алина Николаевна,
учитель истории и обществознания
МОУ «Ракитянская сош № 2 имени А.И. Цыбулёва»

Начиная разговор о домашнем воспитании дворян XVIII-XIX века, нужно сначала понять, что собой представляла дворянская семья того времени. В то время семья представляла собой строгую иерархию её членов, а проявлялась эта иерархия в том, что каждый член семьи выполнял свою определённую функцию. Главой семьи являлся отец семейства. Дворянский этикет предписывал главе семейства иметь отличающиеся от других членов семьи положение. Проявлялось это в том, что у него обязательно должно было быть своё личное неприкосновенное пространство, например, кабинет, в котором глава семьи занимался своими делами, беспокоить отца без повода было непозволительно. Доказательством тому служит сцена приезда князя Андрея Болконского с женой к своему отцу в романе Л.Н.Толстого «Война и мир». Князь Андрей, приехав в то время, когда у отца было время для отдыха – не ринулся будить его и сообщать о своём приезде, а смиренно ждал, когда расписание дня отца позволит им увидеться. Понятие личного пространства было применительно не только к реально пространственным характеристикам, но и к внутрисемейным межличностным отношениям домочадцев. Так, например, провинившимся детям отец давал прощение не напрямую, а через мать, а нарушившую порядок жену – через друга. Тем самым, глава семейства показывал своё превосходство над другими членами семьи.

Что же касается отношений между супругами в семье, то должны сказать что все семьи были патриархальными, и жена беспрекословно повиновалась своему мужу. Главная роль женщины в дворянской семье состояла в ведении домашнего хозяйства, в воспитании дочерей, так как воспитанием сыновей занимались отцы.

Но бывали и случаи, когда главой семейства были женщины. Такая ситуация, например, сложилась в семье Н.С. Тургенева, где фактически все обязанности главы семьи выполняла его мать Варвара Петровна, так как отец Сергей Николаевич, был душевнобольной человек. К числу причин, в силу которых, главой семейства являлся не отец, конечно же, относится его кончина. Такая ситуация сложилась в семьях географа П.П. Семёнова, писателя Д.Д. Григоровича, чьи отцы рано ушли из жизни.

Семья XVIII-XIX веков отличается от современного понимания семьи

прежде всего ее составом. Детей в дворянских семьях было много, самого разного возраста, иногда женщины рожали до 15 детей и более. Очень высока была детская смертность. Дети погибали в тяжелых родах, от детских болезней, несчастных случаев. В общем, если из пятнадцати рожденных выживало пятеро, родители считали это милостью судьбы. Так в семье царя Алексея Михайловича Романова в браке с Марией Ильиничной Милославской было 13 детей, но пережили отца только будущие цари Федор и Иван, а также правительница Софья, за пять лет брака вторая жена царя Наталья Кирилловна Нарышкина родила троих детей.

Также, к числу членов семьи причислялись бабушки, дедушки, дяди, тёти, двоюродные и троюродные родственники. В состав семейства входили также все домочадцы, за исключением прислуги и крепостных. На особом положении в семье находилась няня детей. Замечательным примером может служить знаменитая няня А.С. Пушкина – Арина Родионовна.

Характерной чертой взаимоотношений дворянских «отцов и детей» была традиция отдельного проживания. Так даже при постройке дома делался «архитектурный» акцент на том, чтобы спальня и кабинет отца были максимально отдалены от детской, «ибо за криком и шумом ничего делать не можно будет». Сразу после рождения деток отдавали на попечение кормилицы и няnek. Так как считалось, что до семи лет нужно уделять должное внимание лишь биологическому развитию ребёнка. Когда ребенок подрастал, его забирали у кормилицы и отдавали в руки няни, которая должна была заменить ему мать, в то время, когда родная мама осуществляла лишь общий контроль над воспитанием ребёнка. Очень частыми были случаи, когда няни сближались с ребёнком до такой степени, что мать играла лишь поверхностную представительскую роль, доходило до того, что няни спали в одном помещении с ребёнком. Всеми своими переживаниями, горестями и радостями дети делились непосредственно с няней, поэтому эмоциональная связь между ребёнком и няней была намного крепче, чем с родной матерью, не говоря уже об отце.

С 6-7 дети начинают заниматься с гувернёрами или гувернантками, в зависимости от пола ребёнка. Эту должность обычно занимали иностранцы – французы, реже – немцы и англичане. В зажиточных домах существовала практика приглашения в семью сразу нескольких гувернёров разных национальностей. Труд гувернёров стоил очень дорого, и далеко не каждая дворянская семья могла позволить себе иметь такую роскошь. В обязанности гувернёра уже входило умственное развитие ребёнка, изучение предметных дисциплин, музыка, пение, танцы, нормы этикета, иностранные языки и т.д. Основной задачей гувернёра являлось также и нравственное воспитание ребёнка, формирование его поведения в соответствии с происхождением и статусом дворянина. Так, гувернёр должен был привить ребёнку

соблюдение дисциплины, беспрекословное подчинение старшим и нормы поведения по отношению к другим людям.

Нередко, родители помимо гувернёров нанимали учителей, которые занимались изучением отдельных дисциплин с дворянскими детьми. Такой деятельностью могли заниматься лица, имеющие высшее образование, отставные военные чины и вышедшие в отставку учителя. Так например, наставником и воспитателем великого князя Павла Петровича, будущего российского императора Павла 1 был русский дипломат граф Никита Иванович Панин, и воспитателем его сыновей Александра Павловича и Константина Павловича был швейцарский политический деятель Федерик Сезар де Лагарп.

Все это не означало, то родители, не проводили время со своими детьми. В каждой семье было заведено по разному. Так, например, императрица Александра Федоровна, супруга последнего российского императора Николай 2, посвящала много времени делу воспитания и образования своих дочерей великих княжон Ольги, Татьяны, Марии, Анастасии. Она лично составляла программы занятий, подбирала учителей, подолгу занималась с дочерьми, обучая их рукоделию, языкам, манерам. Императрица придерживалась английских методов воспитания, привитых ей самой с детства: простота, аккуратность и обязательность во всем. Прежде всего делался нравственный акцент: дети должны были ясно понимать, что такое плохо, а что хорошо, что делать можно, а какую черту ни при каких обстоятельствах переступать непозволительно. В быту царские дети были неприхотливы: спали на жестких матрацах, а по утрам ели кашу на воде.

В прошлых столетиях детством считался период до 7 лет. Истинный дворянин по правилам этикета должен был контролировать свои эмоции, так как дети этого делать не умеют, ребёнок до 7 лет не считался полноценным носителем дворянского статуса. Однако, с 7 лет детей в дворянских семьях воспринимали как взрослых, поэтому с этого возраста дети начинали проводить больше времени со взрослыми, с родителями, им позволяли находиться при беседах, которые ведут взрослые, читать ту же литературу. После 7 лет детей часто наказывали за то, что они играют в игры – взрослому человеку такое поведение не подобает. Когда дети овладевали грамотой, матери приучали их вести дневник и писать письма, чтобы они умели излагать свои мысли и были красноречивы. Для историков сохранившиеся дворянские записки, дневники являются важными историческими источниками.

Основой жизни дворянина была государственная и военная служба. Поэтому мальчиков с юных лет приучали к серьезным физическим нагрузкам. Так в Царскосельском лицее, где учился Пушкин, каждый день лицеисты поднимались в 7 утра, обучались верховой езде, фехтованию, плаванию и гребле. Кроме того, для лицеистов были обязательны прогулки на свежем воздухе в любую погоду. Для мальчиков, которых готовили к военной службе, главными качествами считались

умение отдавать приказы и исполнять их, а для девочек – самопожертвование в пользу мужа и детей. В маленьком дворянине воспитывали чувство долга не только перед своим Отечеством, но и перед своей семьёй, воспитывали храбрость и отвагу. Так, например, старший сын Николая I Александр, занимаясь верховой ездой, сильно упал с лошади в десятилетнем возрасте и несколько дней пролежал в постели, не вставая. Но этот случай не означал прекращения тренировок, как только Александр выздоровел, он тут же отправился вновь на лошадь. Об отмене тренировок не могло быть и речи.

Физическому воспитанию девочек уделяли тоже большое внимания, они должны были быть здоровыми для того, чтобы выполнять функцию деторождения, так как родовспоможение было не развито. Так, русская мемуаристка Анна Евдокимовна Лабзина писала в мемуарах, что мать её «держала на воздухе, не глядя ни на какую погоду; шубы зимой у меня не было; на ногах, кроме нитяных чулок и башмаков ничего не имела, в самые жестокие морозы посылала гулять пешком, а летом мать давала нам довольно времени для игры на улице и приучала к беганью». Большое внимание в дворянских семьях уделялось православному воспитанию. Обязательным началом и концом дня для детей была утренняя и вечерняя молитва, по воскресным и праздничным дням дети вместе с родителями посещали литургию. Должна сказать, что часто в отношении юных дворян применялись разного рода наказания. Обычно отпрысков лишали сладкого или заставляли стоять у стола в продолжение всего обеда. Но за особенные провинности ставили в угол или закрывали в темной комнате, били линейкой или розгами по рукам. Дети постоянно находились под неусыпным оком гувернеров. Постоянный контроль заключал в себе элемент тренировки: правила хорошего тона должны стать привычкой, выполняться на автомате. Ведь воспитанный человек не будет есть руками, даже если он обедает в полном одиночестве. Неусыпный бдительный контроль приучал ребенка следить за собой и своим поведением каждую секунду.

«Учебный план» молодого дворянина содержал латынь, французский, немецкий, английский, итальянский языки. Всеобщая и русская история, география, физика, астрономия, арифметика, русская словесность, рисование и музыка. Во второй половине XVIII — начале XIX века обязательный образовательный план пополнился изучением архитектуры и искусства. Потому что молодой барин должен был уметь начертить план и фасад постройки, составить смету и осуществлять контроль над строительными работами.

Домашнее образование девочек от воспитания мальчиков отличалось только тем, что было более поверхностным. Оно ограничивалось изучением одного - двух языков — обычно французского и немецкого, владение английским языком уже свидетельствовало о более высоком уровне образованности девушки. Иногда гувернеры добавляли к этому изучение всеобщей истории, но чаще всего юные дворянки упражнялись

в рукоделии, музыке и рисовании.

Образование на порядок выше домашнего дворянские дети могли получить в лицеях, кадетских корпусах и институтах для благородных девиц, самым известным из которых был Смольный институт благородных девиц, созданный в 1764 году. В институт принимали только девиц из благородных дворянских семейств. До 1859 года преподавание велось на французском языке, но после того как инспектором классов Смольного был назначен Константин Дмитриевич Ушинский, стали преподавать на русском языке. За прилежанием и поведением институток следили классные дамы. В учебном заведении преподавали французский, немецкий, чистописание, грамматика, арифметика, история, география, хронология, мифология, физику, геометрию, а также рисование и танцы.

Каждое утро в Смольном начиналось для девиц с обливания до пояса холодной водой и скромным завтраком. В посты рацион становился еще скромнее: картофель, каша на воде да небольшой постный пирожок. Внешний вид был регламентирован: строгая форма (разного цвета для разных классов) и аккуратные прически. Девушки были строго изолированы от внешнего мира, даже в каникулярный период им не дозволялось навестить родных. В конце обучения, по итогам экзамена, на котором часто присутствовали августейшие особы, лучшим ученицам выдавали награды. Особо отличившиеся удостоивались «шифра» — золотого вензеля с инициалами действующей императрицы. Это был прямой путь во фрейлины двора — завидная карьера, которую на тот период могла сделать выпускница Смольного института.

К 16-18 годам обучение дворянских детей заканчивалось. С этого возраста начиналась взрослая жизнь дворян — мальчики поступали на службу государю императору, который становился их главным начальником, родительская власть, розги и ласки оставались дома. В таком же возрасте барышни начинали выезжать в свет и очень скоро выходили замуж. Затягивать с этим делом не рекомендовалось, чтобы не остаться вековухой; уже года в двадцать три девушка считалась перестарком. С этого времени все заботы о молодой женщине полностью переходили из родительских рук в руки мужа.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что главной задачей воспитания детей в дворянских семьях было формирование личности в соответствии с теми традициями, которые были характерны для поведения представителей привилегированных сословий того времени. Ребёнку, воспитанному на строгом понимании того что должен и не должен делать дворянин легче было вписаться в социальную структуру общества, в которой господствовал политический абсолютизм, а основной экономической силой было крепостничество.

Библиографический список

1. Барашев М.А. Домашнее воспитание в русской дворянской семье

второй половины XVIII – начала XIX в.// Вопросы образования, №1, 2010 г., С.225 – 235.

2. Каменев А.И. Русское дворянское воспитание и этика. – СПб, 1998, 415 с.

3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства XVIII – начала XIX века. – СПб.: Искусство – СПб, 2014. –758с.

4. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. – М., 1995, 45с.

ДВОРЯНЕ ХЛЮСТИНЫ В ИСТОРИИ КРАСНОЙ ЯРУГИ

Радченко Г.М.,
педагог-организатор МБУДО «Краснояржский
центр дополнительного образования»

История Красной Яруги насчитывает почти три с половиной столетия. С конца XVIII по восьмидесятые годы XIX века она неразрывно связана с именами представителей дворянского рода Хлюстиных. За исключением небольшого очерка краеведа Виталия Щербаченко в «Белгородской Пушкиниане», это имя малоизвестно на Белгородчине. Однако, их родственные связи с выдающимися представителями русской культуры XIX века, а также личный вклад в её развитие и популяризацию, представляют несомненный интерес для всех, кому близка эта тема.

Документы из фондов Российского Государственного исторического архива (Личный фонд Хлюстиных), Государственного архива Белгородской области, публикации калужских краеведов и музейщиков, «История родов русского дворянства», а также информация с сайтов «Пушкинского дома», «Болдино» и других были использованы при подготовке данного материала.

Хлюстины принадлежали к старинному купеческому роду г. Мосальска Калужской губернии. Первым грамоту на потомственное дворянство в 1790 г. получил Антон Семёнович Хлюстин. В молодости он занимался поставками провианта и фуража для армии и накопил богатое состояние, благодаря чему был принят на интендантскую службу в гусарский полк уже в зрелом возрасте, несмотря на недворянское происхождение. Это не помешало полковому хозяйственнику дослужиться до звания секунд-майора. Еще до армейской службы богатство и связи с офицерством позволили предпринимателю начать строительство храмов и богоугодных приютов в родном городе.

Выйдя в отставку, он приобрёл у дворянина Мины Лазаревича Лазарева имение в Красной Яруге, о чем сказано в «Экономических примечаниях к плану генерального межевания» конца XVIII в.: «Село Красная Яруга и Илок с деревнею Лазаревкою и хутором Антона Семенова сына Хлюстина. Число дворов 123, душ мужеска 1172, женска 1040... в селе церковь деревянная бессребреников Козмы и Дамиана, господский дом...».

Он был женат на Наталье Васильевне Майковой. По некоторым сведениям, родным братом основателя их рода, Андрея Майко, дьяка великих князей московских Василия II и Ивана III, был преподобный Нил Сорский. Поэт Аполлон Николаевич Майков, его родственники и потомки числили преподобного Нила среди своих предков.

Известен портрет Натальи Васильевны Майковой, работы художника Антона Лосенко, который хранится в Русском музее.

В браке у них было три сына - Семен, Михаил и Николай. Двое последних достигли служебных высот, были награждены орденами, владели именьями и продолжали благотворительную деятельность на калужской земле.

В литературе более известен Николай Хлюстин. Во время обучения в Московском благородном пансионе он награждался книгами и серебряными медалями «За особые успехи в учении». Сотрудничал в качестве переводчика в нескольких петербургских и московских журналах и в альманахах: «Распускающийся цветок», «Полезное упражнение юношества». Среди переводов Хлюстина – повести, прозаические басни и анекдоты. В 1812 г. в чине майора, будучи крупным помещиком, участвовал в организации ополчения, был знаком с писателем и переводчиком А. А. Писаревым, которому в 1818 г. предоставлял свой дом в Москве.

Красную Яругу и Илек унаследовал старший из братьев - штабс-ротмистр Семен Антонович Хлюстин. Он был женат на Вере Ивановне Толстой, воспитаннице Смольного института благородных девиц, представительнице знаменитого дворянского рода, праправнучке Петра Андреевича Толстого, выдающегося деятеля петровской эпохи, действительного тайного советника. Прабабушкой её была Прасковья Михайловна Троекурова, последняя в своём роде. Дедушка Андрей Иванович, через своих сестёр, Прасковью, Марию и Аграфену, породнился с фамилиями Одоевских, Чаадаевых и Писаревых. Мать Веры Ивановны, Анна Фёдоровна, тоже была из рода Майковых. Родной дядя Веры Ивановны, Фёдор Андреевич Толстой - известный московский библиограф и собиратель старопечатных книг и рукописей, знаменитое собрание которых составляло самое ценное приобретение императорской публичной библиотеки.

Брат Веры Ивановны, Федор Толстой, по прозвищу «американец», был широко известен в аристократических кругах как личность неординарная, послужившая прототипом персонажей произведений Пушкина и Грибоедова, в частности Зарецкого («Евгений Онегин») и Репетилова («Горе от ума»). Сестра - Мария Ивановна Лопухина. Её портрет кисти В.Л. Боровиковского является одной из жемчужин Третьяковской галереи. Почти сто лет спустя атмосфера времени, в котором жили Вера Ивановна и её сестра Мария, была тонко передана в стихах Я. П. Полонского, который посвятил портрету следующие строки:

Она давно прошла, и нет уже тех глаз,
И той улыбки нет, что молча выражали
Страданье — тень любви, и мысли — тень печали,
Но красоту её Боровиковский спас.
Так часть души ее от нас не улетела,

И будет этот взгляд и эта прелесть тела
К ней равнодушное потомство привлекать,
Уча его любить, страдать, прощать, молчать.

На русский литературный олимп вознеслись двоюродные племянники Веры Ивановны - Алексей Константинович Толстой (сын Константина Петровича) и Лев Николаевич Толстой (сын Николая Ильича).

В такой атмосфере росли дети Веры Ивановны и Семёна Антоновича - Анастасия и Семён, которые после ранней кончины отца унаследовали краснояржское имение. Анастасия детство и юность провела в Москве. Получила хорошее образование, в шестнадцать лет знала немецкий, французский и английский языки. Изучала древнерусскую литературу, историю религии, философию, ботанику, а также музыку. В 1826 году с матерью уехала за границу, где вышла замуж за историка и публициста графа Адольфа де Сиркура. Путешествуя по Италии, начала изучать итальянский язык. Была хозяйкой одного из самых модных парижских салонов, где блистал весь свет парижской и русской интеллигенции, а также популяризатором русской музыкальной культуры. Ее статьи печатались в зарубежной периодике.

Калужское имение Хлюстиных соседствовало с Полотняным Заводом Гончаровых, и Анастасия Семёновна была хорошо знакома с мужем Натальи Николаевны – Александром Сергеевичем Пушкиным. В письме от 27 декабря 1837 года графиня де Сиркур писала о Пушкине, что «его ум, отличавшийся способностью угадывать всё, что могло быть воспринято только с помощью интеллекта», поразил её так же, как и «тот поэтический облик, который бессознательно придавала всякой вещи его воспринимающая мысль».

Близкая дружба связывала графиню с семьей известного польского поэта Адама Мицкевича. Позже Вера Ивановна и Анастасия Семёновна передали сыну поэта Владиславу свой семейный архив.

После замужества сестры наследником краснояржского имения стал Семён Семёнович Хлюстин. Он получил отличное образование в Оксфордском университете, был учеником известного в то время педагога Эванса. Служил в лейб-гвардии Уланском полку, участвовал в турецкой кампании. После выхода в отставку поступил чиновником по особым поручениям в Министерство иностранных дел вместе с братом А.С. Пушкина Львом Сергеевичем. Был действительным членом Общества испытателей природы и член-сотрудником Общества любителей словесности при Московском университете, по словам современников, владел «прелестной библиотекой», иногда делал переводы.

Наталья Николаевна Пушкина даже предполагала выдать за него замуж свою сестру Екатерину. По этому поводу Александр Сергеевич в конце 1834 г. написал жене: «Ты пишешь, что думаешь выдать Катерину Николаевну за Хлюстина, а Александру Николаевну — за Убри, ничему

не бывать: оба влюбятся в тебя...».

Кто знает, как бы сложилась дальнейшая судьба Александра Сергеевича, если бы в их семейный круг в качестве зятя вошёл Хлюстин, а не Дантес. Пушкин и Хлюстин неоднократно встречались, а в начале 1836 года в Петербурге между ними неожиданно произошла серьезная размолвка. Только после объяснения в письмах и вмешательства друзей ссору удалось погасить, и до дуэли дело не дошло. Позже они неоднократно предпринимали совместные поездки по окрестностям.

Семён Семёнович женился на представительнице известного боярского рода Текутьевых – Любови Григорьевне, дочери полковника Григория Григорьевича Текутьева, племяннице генерал-майора Николая Григорьевича Текутьева, выпускнице Московского Екатерининского института благородных девиц.

В браке у них родилось пять дочерей. После смерти мужа Любовь Григорьевна жила с малолетними детьми в своем имении Красной Яруге. По определению Курского Дворянского Депутатского Собрании от 9 сентября 1846 г. Любовь Григорьевна Хлюстина с детьми внесены в 3 часть дворянской родословной книги Курской губернии. Позже они переехали в Москву, а затем - за границу, где жили бабушка Вера Ивановна и тётя - графиня Анастасия де Сиркур.

Юлия умерла в отрочестве. Мария вышла замуж за Александра Илларионовича Бибикова, сына нижегородского генерал-губернатора И.М. Бибикова и племянника графа М.И. Муравьева-Апостола. Антонина Семёновна - за представителя известного прусского аристократического рода - графа Денгофа. Вера Семеновна - за Федора Александровича Анненкова, земского деятеля и предводителя дворянства Симбирского уезда.

Но наиболее интересна судьба старшей дочери Ольги. Восприимчивая натура и живой ум выделяли ее из ряда сверстниц. Знаменитый французский поэт Ламартин даже посвятил ей стихи под заглавием “Умной Ольге”. По возвращении в Россию она вышла замуж за отставного полковника Дениса Денисовича Давыдова, сына знаменитого героя Отечественной войны 1812 года, известного поэта Дениса Васильевича Давыдова. Рано овдовев, оставшись на руках с годовалой дочерью Екатериной. Вскоре Ольга Семёновна связала свою судьбу с известным ученым, врачом-гомеопатом Карлом Карловичем Боянусом, вдовцом, имевшим двоих сыновей. В совместном браке у них родилось ещё два сына и две дочери.

Семья Боянус была очень дружная. Воспитывались дети в строгости и простоте, с детства приучались к труду и жертвенности. Центром семьи была Ольга Семеновна. Женщина образованная и глубоко религиозная, обладавшая многими дарованиями, она стремилась передать своим детям все, чем владела сама, пользуясь в семье большим авторитетом. Жили они в Дубино, что в трёх верстах от Красной Яруги, которое сохранилось в памяти старожилов, как усадьба «Пана Боянуса». В 1880 г. переехали в

имение Ключи Самарской губернии.

Духовный и культурный багаж, полученный детьми Карла Карловича и Ольги Семёновны, помог им стать достойными людьми, верой и правдой послужившими Отечеству. Старший сын Алексей Карлович был школьным другом Ильи, одного из сыновей Льва Николаевича Толстого, работал в Министерстве внутренних дел в Петербурге, опубликовал большой труд о земстве под названием «Отчет по земскому делу за 50 лет». Второй сын Александр Карлович служил чиновником в Самаре. Младший - Семен Карлович, окончивший Санкт-Петербургский университет, стал ученым с мировым именем, основателем школы русско-английской фонетики, автором множества учебников, англо-русских и русско-английских словарей.

Старшая дочь Екатерина Денисовна Давыдова, окончив Московский Екатерининский институт благородных девиц, вышла замуж за Сергея Васильевича Мойсеенко-Великого, происходившего по матери из древнего рода князей Урусовых. После революции переехала в Москву, где вместе с дочерьми занялась переводческой деятельностью. Екатерина Денисовна была человеком глубоко религиозным, на протяжении всей жизни близкие духовные отношения связывали её с младшей сестрой Верой Карловной, широко известной в православных кругах под именем игуменьи Нины - известнейшей подвижницы русской православной церкви XX века. Ее жизни и служению посвящены многие исследования, как в нашей стране, так и за рубежом.

Четыре поколения Хлюстиных прошли по красноярской земле. Насколько интересна и значима личность каждого представителя этой семьи в истории России, в истории нашей малой Родины. Они занимались благотворительностью, участвовали в работе уездного земства, построили в красноярской экономии первый сахарный завод, в ильковской экономии – винокуренный завод, в Дубино – кирпичный завод, заложили рядом с ними прекрасные фруктовые сады, поставили церкви. Через полтора века ничего этого уже не сохранилось. Ушли в прошлое «дворянские гнёзда», мощная «рука индустриализации» стёрла их следы, революция, преобразования и войны довершили этот процесс. Только архивные документы, немногие литературные источники, да крупицы воспоминаний современников хранят немногочисленные сведения об этом времени и людях, внёсших свой посильный вклад в сохранение и преумножение культурного наследия своих предков и своего Отечества.

История рода Хлюстиных не растворилась, не исчезла бесследно, она стала частью истории страны, её бесценным человеческим и духовным капиталом, который непременно будет востребован теми, кто унаследовал эту землю и будет на ней жить дальше.

... Я люблю эти прошлые лица
На отцветшем слепом полотне;

Клавикорды в уютных светлицах,
Знак киота в углу на стене.
Я люблю этот таинство рода,
Дух семьи, продолжающий жить,
Заставляющий сердце народа
С красотой былого дружить.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ И МЕЦЕНАТСТВО ДИНАСТИИ ХАРИТОНЕНКО

Трифонова Евгения Вячеславовна,
директор МБУК «Краснояружский краеведческий музей»

«Милосердием и правдою очищается грех. Кто презирает ближнего своего, тот грешит; а кто милосерден к бедным, тот блажен...». Будучи глубоко верующим человеком, воспитанным в лучших традициях христианства, Иван Герасимович Харитоненко на протяжении всей своей жизни свято следовал этой библейской аксиоме. Но в его расходах всегда в равной доле присутствовали и щедрость, и трезвый благоразумный расчет.

Иван Герасимович Харитоненко – крестьянский сын по происхождению. Он родился в казацкой деревне под Сумами в семье мелкого торговца. Иван Герасимович имел начальное образование. Некоторое время работал конторщиком в бакалейных лавках г. Сумы. Скупая сахар, скопил деньги и в 1872 г. приобрел Краснояружские земли. А в 1873 году в имении был построен сахарный завод.

Иван Герасимович за время своей жизни сумел приобрести 7 сахарных заводов, вел торговлю со многими странами, имел в России и за границей торговые склады.

В конце жизни он становится великим сахаропромышленником, имея свою фирму «И.Г. Харитоненко и сын», торговую марку, множество дипломов и наград российских и международных выставок.

Помимо коммерческой деятельности, Иван Герасимович был известен как один из самых щедрых благотворителей. На средства И.Г.Харитоненко на его исторической родине – в селе Нижняя Сыроватка – была построена церковь во имя Святителя Тихона, стоившая тогда не менее 70 тыс. рублей. Иван Герасимович, по предложению Высокопреосвященного Амвросия, епископа Харьковского, пожертвовал 15 тыс. рублей на устройство образцовой школы при Харьковской духовной семинарии. При Сумском реальном училище в 1882 году он устроил Александро – Невскую домовую каменную церковь, а позднее пожертвовал еще 30 тысяч рублей на устройство нового храма при этом же училище.

Незадолго до своей смерти Иван Герасимович написал завещание. Оно было составлено таким образом, что большая его часть была направлена на благотворительные цели.

Когда Иван Герасимович умер, сыну его, Павлу Ивановичу, было около сорока лет. Он достойно продолжил дело отца и не только не растратил созданные отцом богатства, но и приумножил их, оставив о себе добрую память среди многих жителей городов и сел России.

Павел Иванович очень рано начал помогать своему отцу в его делах. Павел Иванович стал не только одним из крупнейших сахарозаводчиков России, но и крупным землевладельцем. Ему удалось приобрести 10 сахарных заводов и 50 экономий в Харьковской, Полтавской, Курской и Черниговской губерниях. Он был также умелым помещиком. Его владения состояли из хорошо поставленных и оборудованных экономий, лесных угодий, чудесных полей.

Первым построенным храмом для Павла Ивановича стала Софийская церковь в Москве, построенная в благодарность Богу за исцеление одной из его дочерей. В следующем году Павел Иванович Харитоненко Высочайшим указом был награжден орденом Святого Владимира 4-ой степени за строительство Преображенской церкви и часовни в честь Нерукотворного Спаса в с.Борки Харьковской губернии.

В 1899 году Харитоненко инициирует строительство очередного храма. В слободе Мурафа Харьковской губернии в короткие сроки возводят Архангело-Михайловский храм, ставший прекрасным образцом церковной архитектуры конца XIX века (ныне не сохранился).

В начале XX ст. в Сумах, из-за значительно увеличившегося количества прихожан, встала проблема расширения Троицкой церкви. По предложению П.И.Харитоненко рядом с этим храмом решили возвести новый, по размерам и красоте во многом превосходящий старый. Все расходы, связанные со строительством церкви, взял на себя только что пожалованный дворянским званием П.И.Харитоненко.

Наряду с возобновлением работ в Троицком соборе в Сумах, в родовом имении семьи Харитоненко, в Натальевке, началось возведение небольшой каменной церкви в духе древнерусских северных храмов.

Прикоснулась благотворительная рука Павла Ивановича Харитоненко и к нашему краю. В 1893 году, в центре поселка Красная Яруга была возведена семиглавая церковь Козьмы и Дамиана. К сожалению, в 1938 году, церковь была разрушена.

Пожертвования в сфере образования отличались не меньшей щедростью. Иван Герасимович и Павел Иванович были попечителями многих обителей знаний и наук.

В 1899 году в Сумах, по завещанию отца, Павел Иванович выстроил Михайловский кадетский корпус – закрытое военное учреждение, предполагавшее обучение воспитанников по гимназической программе. По оснащенности и благоустройству это заведение не имело аналогов в стране. Строительные работы длились несколько лет и обошлись Павлу Ивановичу примерно 600 тысяч рублей.

Своеобразной премией для старательных учащихся кадетского корпуса, гимназистов, было разрешение пользоваться уникальной семейной библиотекой Харитоненко, в которой, кроме всего прочего, хранились и раритеты XV – XVII веков.

На средства Павла Ивановича Харитоненко содержалась построенная им в 1896 г. больница Святой Зинаиды с хирургическим и инфекционным

отделениями на 30 коек. Больница, построенная Харитоненко в память о покойной дочери Харитоненко Зинаиды, на своей территории имела прекрасно устроенную часовню.

При заводах Харитоненко были созданы показательные школы, где бесплатно учились дети трудящихся, и не менее показательные больницы, где бесплатно оказывалась медицинская помощь населению ближайших деревень.

Большому числу людей Харитоненко протягивал руку помощи, особенно перед Рождеством и Пасхой. Средства отпускались для сооружения богаделен, приютов, электрификации города, проведения водопровода и многого другого.

Однако благотворительность семьи Харитоненко не ограничивалась лишь общественно значимыми делами. Невозможно не упомянуть еще об одном аспекте жизни известного предпринимателя Павла Ивановича Харитоненко – он был страстным коллекционером и покровителем искусств. Павел вместе с женой Верой щедро помогал деньгами осуществлению различных художественных проектов. Павел Иванович многие годы состоял директором Московского отделения Императорского Музыкального общества. В консерватории на его средства обучались 20 студентов.

Но самой большой страстью семьи Харитоненко было коллекционирование русской живописи. Павел Иванович платил большие деньги за собираемые с любовью картины, иконы и другие предметы искусства. В их коллекции были работы известных художников: В.Д.Поленова, В.И.Сурикова, И.Е.Репина, М.В.Нестерова, И.К.Айвазовского, В.В.Верещагина, В.А.Серова, В.М.Васнецова и других известных русских художников. Но наиболее знаменитой картиной была «Неизвестная» Ивана Крамского. Все картины хранились в Московском дворце Харитоненко.

По приглашению хозяйки в их московском особняке давали концерты Александр Скрябин, Федор Шаляпин и другие знаменитые артисты. Самые талантливые архитекторы и художники проектировали и отделывали их дома и церкви в Москве, Сумах, Натальевке.

Таким образом, члены семьи Харитоненко внесли значительный вклад в развитие культуры и образования, за что не раз были отмечены различными наградами и званиями. Иван Герасимович был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени, орденом Святой Анны 3-й степени. За общественную и благотворительную деятельность Павел Иванович Харитоненко был удостоен еще более высоких наград и званий, был почетным гражданином нескольких городов и почетным членом многих просветительских и благотворительных обществ, но это не было целью его жизни. Нажив честным трудом огромные богатства, сахарозаводчики употребили их во благо общества и Отечества.

Старшее поколение красноярцев помнит Павла Ивановича как мецената, благотворителя, любителя природы, искусства, рачительного

хозяина и доброго человека. Напротив дома-дачи Харитоненко в феврале 2003 года, по инициативе Краснояружского краеведческого музея, при поддержке администрации района, на средства Краснояружского сахарного завода, был установлен мемориальный бюст Ивану Герасимовичу Харитоненко. Всех добрых дел, совершенных этими людьми, мы никогда не узнаем. Однако, с уверенностью мы можем сказать, что в таких людях нуждается и современное общество.

Библиографический список

1. Трифонова В.Г., Бугаева А.Е., Фролова Н.А. Край мой незабвенный. – Белгород: «Отчий край», 2000. – С. 44Бурлачук Ф.Ф. Владимир Раевский. – М.: Мол. Гвардия, 1987.
2. Журнал «Огонек», №50, декабрь 1991г., ст. «Сахарные короли» - С. 24
3. Григорьев Д.Н. Востребованные временем. Династия Харитоненко. – Сумы: РИО «АС-Медиа», 2003. – С. 60
4. Материалы Краснояружского краеведческого музея. ККМ НВ 327«Завещание И.Г. Харитоненко».

ОБРАЗ ДВОРЯНСТВА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СТЕПАНА ТИМОФЕЕВИЧА СЛАВУТИНСКОГО

Черниченко Мария Федоровна.
заведующая передвижной выставкой музея
МКУК «Грайворонский историко-краеведческий музей»

Литература во все времена была энциклопедией жизни. Произведения отечественных классиков отражали исторические факты, колорит описываемой эпохи, нравы и быт, передавали социальные нормы поведения, настроения, идеи, пристрастия всех сословий российского общества, детально прописывали образ жизни представителей разных социальных групп.

Образ русского дворянства представлен в произведениях многих известных писателей: Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Тургенева, Островского, Лескова, Салтыкова-Щедрина, Куприна, Чехова, Достоевского, Толстого, Бунина и других. Примечательно, что и сама национальная русская литература на протяжении XVIII и XIX веков была прежде всего «дворянской, помещичьей», ведь сами писатели в большинстве своём были дворянами. А значит, хорошо знали данное сословие и жизненные и реалистичные образы помещиков.

М.В. Смахина в своей работе «Воспитание ненависти: образ русского дворянства в произведениях художественной литературы XIX века» с опорой на литературоведческие и исторические источники выделяет следующие положительные и отрицательные черты собирательного художественного образа представителей данного сословия.

Среди положительных черт, описанных классиками, исследователи отмечают: патриотизм, хлебосольство, отсутствие или исчезновение сословной спеси, попытки дворян найти своё место в обществе; наличие среди дворян «людей дела», осознавших ценность личного труда, самостоятельно приносящих пользу обществу, занятых благотворительностью или широким просвещением народа, служащих Отечеству. К позитивным чертам относят и консолидацию дворянского общества в периоды бедствий, во время борьбы с голодом и эпидемиями. За художественными персонажами, наделёнными такими чертами, писатели видели «будущее дворянского сословия и страны».

Среди отрицательных черт дворянства, которые, по мнению некоторых исследователей, значительно преобладали в произведениях классиков и прорисовывались для всеобщего осуждения, исследователи отмечают: снобизм, сословную спесь (вплоть до деления профессий на «дворянские» и «недворянские», например, физический труд и профессия актёра считались срамными, а заниматься лицедейством можно было лишь на дилетантском уровне – для развлечения и досуга), чванство и

высокомерие, проецируемые на низшие сословия, низкий уровень образования, чиновничество, праздность, склонность к пустым занятиям, безделье, лень, отсутствие живого дела, лицемерие, непонимание жизни народа, его бед и нужд, презрение к народу, крепостнические замашки, «идейный мундир» – отсутствие своих мыслей, англоманство, либерализм, славянофильство или гуманизм; как опасное веяние изображали и «народопоклонство», принесение ненужных жертв и отказ от своего сословия и привилегий.

Разберём образы дворян XIX века на примере семейной хроники Степана Тимофеевича Славутинского «История моего деда».

Сам Степан Тимофеевич Славутинский – русский писатель, беллетрист, переводчик – родился в Грайвороне Курской губернии 23 января 1821 года в семье отставного военного, выходца из среды мелкопоместного разорившегося дворянства. Отец его рано умер, мать со Степаном уехала в Рязанскую губернию, в своё родовое имение – в небольшое село Михеево Егорьевского уезда с 40 душами крепостных крестьян.

«Меня окружала, – вспоминал С. Т. Славутинский, – истинно патриархальная обстановка небогатого помещичьего быта, среди которой как у себя дома, так и нигде по соседству ничто не обличало перед моей слишком рано развившейся детской наблюдательностью печальных, мрачных сторон иного быта, крестьянского. Между нашими да и соседними крестьянами я никогда не видал нищеты, бедствия, какого-либо помещичьего стеснения или произвола».

В Рязани Степан Тимофеевич учился в гимназии, но в силу материальных трудностей закончить курс не смог – пришлось поступить писцом на службу в Рязанскую палату гражданского суда. Благодаря усердию и деловым качествам он в 1855 году становится старшим чиновником особых поручений при рязанском губернаторе. Эта должность позволила будущему писателю глубоко проникнуть в жизнь и быт крепостного крестьянства, наблюдать взаимоотношения помещиков с крепостными, он присутствовал при усмирении крестьянских волнений, разборе судебных дел, наказании крестьян. Весь этот богатый жизненный материал лег в основу художественных и мемуарных произведений писателя и способствовал становлению его демократических взглядов.

Семейная хроника «История моего деда» была опубликована в 1858 году. Накануне реформы 1861 года в печать не допускались произведения с резкой антикрепостнической направленностью, поэтому в данном произведении антикрепостнический пафос несколько приглушён.

Степан Тимофеевич, создавая образы Зиновия Туренина, Николая Михайловича и Надежды Ивановны Турениных, потомка знаменитого боярского рода Сергея Андреевича Берсенева, князя Александра Александровича Любецкого, рисует внутрисемейный, внутрисадебный и соседский быт, показывает взаимоотношения дворян между собой и с крестьянами, создаёт жизненные и реалистичные образы помещиков,

показывает их сильные стороны, положительные качества и вскрывает все перечисленные выше язвы дворянского сословия. Он создаёт цикл тяжб и размолвок, на первый взгляд отличных, но похожих по мотивам и чувствам заинтересованных лиц.

Начнём с образа Зиновия Туренина. «...Дед мой остался четырёхлетним ребенком, под опекою своей матери и родного дяди, Зиновия Туренина. Мать деда моего была из богатого и значительного рода Борисопольских, но женщина совершенно безграмотная, что в тогдaшнее время, то есть в половине XVIII столетия, было ещё не редкостью...». Вот вскрыта первая язва – безграмотность, плохое образование. Продолжаем изучать текст: «...Дядя же, Зиновий Туренин, был премьер-майор, когда-то занимавший в Сибири важное место и выехавший оттуда с большим обозом, у повозок которого, по преданию, всё что обыкновенно бывает из железа, было серебряное. Должно быть, Зиновию Туренину, несмотря на строгие осмотры, удалось вывезти из Сибири большое богатство, конечно украденное всяческим лихоимством; все знали об этом при его жизни, но по смерти его никто не наследовал его имущества – и куда оно девалось, никому не известно. Зиновий Туренин был старый холостяк, надменный, раздражительный до бешенства, скряга и мстительный...Он повздорил с матерью моего деда, и ссорам и тяжбам между ними конца не было. Чем оно кончилось, я не добрался, но, кажется, одолел Зиновий Туренин, ибо при жизни ещё матери моего деда он был уже один опекуном ребенка. Дед Зиновий не только заложил, но и продал самым бессовестным образом часть его имения. Таким образом, по милости матери и дяди дед мой ещё ребенком начал уже разоряться...».

О Николае Михайловиче Туренине читаем следующее: «Достигши девятнадцатилетнего возраста, он из сержантов гвардии, в которую, по обычаю того времени, был записан ещё в колыбели, перешёл, в драгуны и, сделав поход до Серебряных прудов, селения Тульской губернии, вышел в отставку прапорщиком и уехал в Петербург... начал вести крепко разгульную жизнь. Этот образ жизни, вероятно, скоро и окончательно разорил бы его, если бы не навязался ему на шею большой процесс с соседним помещиком Зарудиным, которому дядя Зиновий Туренин продал часть имения своего племянника во время его малолетства. Дед мой усердно занимался этим делом. Он был молодец собою, умён, ловок и, по временам, очень деятелен. Процесс он выиграл, но прежняя расточительная жизнь и издержки по делу чуть было не поглотили всего имения его. Женильба спасла его вовремя. Он женился в Петербурге на прекрасной девушке, Надежде Ивановне Д-ной, и небольшое приданое её помогло ему вывернуться из беды. А главное, жена его была женщина весьма умная и не без характера: она скоро дала понять своему мужу, что незачем да и не по средствам жить им в Петербурге, - и вот переехали они на житьё в деревню. Дед мой переехал на житьё в деревню вовсе не с целью хозяйничать... Вот как проводил

жизнь дед мой: завел он большие стаи собак, борзых и гончих, большую часть мужчин нестройной деревни нарядил в охотничьи костюмы и с увлечением пустился травить волков, лисиц и бедных зайцев. Конечно, не весь год можно было заниматься этим делом, зато у него были другие, подобные же занятия. В соседстве с ним жило несколько помещиков, таких же собачников, как и он, которые в пору, непригодную для охотничьих разъездов, частенько собирались к нему поковырять...»

Образы соседей-помещиков ярко передают нравы местного общества: «...Эти, немногочисленные впрочем, помещики были почти все без изъятия гуляки и уж никак не люди, с толком занимавшиеся чем-нибудь дельным. Время было тогда такое, что между жившими в имениях помещиками, даже владевшими порядочным состоянием, вовсе не было людей образованных. В том крае большая часть имений была на оброке: притом близость Москвы и Рязани увлекала постоянно тамошних дворян в жизнь городскую, жизнь ничтожную, пустую и развратную, в которой безобразно смешивались невежественные, жестокие, грубые пороки древней Руси с полуутончённым развратом поверхностной образованности...»

Славутинский раскрывает через образ Николая Михайловича Туренина и положительные черты русского дворянства: «...Дед состояние имел незначительное, роду он был старинного дворянского, но не знатного, важных связей никогда не имел и не хлопотал об них... Он обладал прекрасными, даже высокими свойствами, такую доброту, что даже довольно многочисленные враги его признавали её. Люди, нуждавшиеся в его помощи, никогда не встречали отказа... Дом его был наполнен странниками, бедными дворянами, дворянками и всякими приживальцами, кроме шутов, которых, вопреки тогдашним обычаям, он терпеть не мог. Главною чертою его характера была правдивость в действиях и словах да верность в дружбе, доходившая до самоотвержения; снискать же его дружбу было нелегко, хотя и легко было сойтись с ним за охотой, за игрой, за какою-нибудь пирушкой. Вообще он отличался необыкновенной терпимостью, пускал к себе в дом без разбору всех своих соседей, а между ними немного было людей, выкупавших нравственными качествами полный недостаток образования, но он никому не оказывал пренебрежения. Со всем этим он был величаво смел и пылок; когда же страсть увлекала его к чему-нибудь, то не было препятствия, которое могло бы остановить его на полдороге...».

Образы Николая Михайловича Туренина и Сергея Андреевича Берсенева, его соседа, показывают многогранность человеческих характеров, это живые типажи, имеющие как отрицательные, так и положительные качества дворян: «...Сергей Андреевич был ему искренним другом... он, добрый, благородный человек, отличался игривым, насмешливым умом, тогда как в характере моего деда веселости было очень мало. Всегда почти неразлучные, вместе они охотились, пировали, вели жизнь свободную и разгульную, с той только

разницей, что Берсенева хоть и имел уже за сорок лет, отдавался удовольствиям со всем увлечением молодости, в деде же моем, моложе его годами десятью, и посреди разгула было что-то задумчивое...».

Другой сосед главного персонажа Николая Михайловича Туренина, князь Александр Александрович Любецкий, старый холостяк, «человек совсем иного разбору» несёт в себе концентрацию отрицательных черт, это суммарный «злой гений дворянства», погубивший сословие. «...Он имел девятнадцать тысяч душ крепостных крестьян и бригадирский чин, что в тогдaшнее время придавало ему в том краю огромный вес. В деревне вёл он жизнь роскошную, окруженный толпою бедных дворян, терпеливо и подобострастно сносивших за его хлеб-соль все причуды его надменного, властолюбивого, до бешенства вспыльчивого характера. Впрочем, сколько ни старались угождать ему люди, они немного тем выигрывали в его глазах. Как часто, бывало, пересолит в подлой лести своей какой-нибудь приживалец— и князь быстро, как коршун, налетит на него, смутит его наглою, злобно-насмешливою речью, осмеет, разобидит словами, мало того, прикажет еще своим холопам сделать какую-нибудь мерзость над несчастным приживальцем: отравить его, будто невзначай, собаками, напустить ночью на него медведя и тому подобное. Бедным «малодушным» дворянам, жившим по соседству с такими сильными людьми, как князь Любецкий, нельзя было не поддаваться их власти. Хотя всё в этих отношениях было пропитано духом рабства, лести и подлости, однако был в них и залог некоторого покровительства, некоторой двусмысленной безопасности против других владельцев, менее сильных, но все-таки опасных при неизбежном соседском столкновении с ними. По понятиям того времени, для бедняков такая роль не казалась несколько предосудительною; хотя кто и «шляхетского» (как говорили тогда) был происхождения, однако все охотно, даже с радостью унижались перед патронами... Князь состоял уездным предводителем дворянства. Званием этим он как-то особенно гордился... Зато он и распоряжался деспотически в своем уезде. Уездные чиновники и дворяне (кроме деда моего и Берсенева) считали себя постоянно какими-то подчиненными князя, как бы вассалами его. Впрочем, князь Любецкий ко всем помещикам своего уезда, не принимавшим на себя роль приживальцев, был большею частью вежлив и вообще довольно хорош... Во всяком случае, по тогдaшнему времени он был человек образованный, по крайней мере, с внешней стороны; несколько поездок в молодости за границу, пребывание, хоть и недолгое, при дворе Екатерины, смягчили его обращение с людьми, не подходившими прямо под его влияние...» Князь любил охоту, играл в карты. «...У него каждая вина была виновата, и потому он бесчеловечно и беспощадно терзал провинившихся слуг своих. От неистовых наказаний его не один несчастный сошел в могилу. С дворовыми, с крестьянами своими и вообще даже с простолюдинами, он был жесток по особенному убеждению. Князь, вообще не отличавшийся храбростью, не боялся быть

строгим до жестокости...»

Николай Михайлович Туренин вступился за псаря князя Сеньку, безжалостного наказанного за смерть собаки, и был едва не растерзан князем, а впоследствии и безжалостно и неправоммерно разорён на основании закладной на деревню Туренина Волтуховку, данной князю ещё покойным Зиновием Турениным. Акт, кстати, был фальшив и к моменту иска недействителен, поскольку поставленный законом срок для взыскания уже истек. И незадолго до ссоры князь обещал актом никогда не воспользоваться. И поступил подло, не сдержав слова. И незаконно.

В этом случае автором дана правдивая картина правосудия в тогдашней России. «...Он знал также, что если князь Любецкий задумал пустить в ход этот документ как имеющий действительную силу, то уж, конечно, не пожалеет никаких средств для достижения предположенной цели во что бы то ни стало разорить своего врага...Ещё тогда в России неборимо сильны были предания, предрассудки, произвол, злоупотребления, во всем обходившие закон; ещё слаба, даже ничтожна была вера и старших представителей общества в собственное своё достоинство, в призвание человека, в долг честного гражданина...»

Князь Любецкий хотел полного разорения Туренина. «...Да если я и отниму у этого проклятого Туренина Волтуховку, так разве это достаточное наказание за все его дерзости? Нет, этого мало!.. Ведь он не один раз оскорблял меня... Я сказал, что он нищий, и докажу, что он нищий! Я доконаю его!...»

«...Средства Туренина истощались; ему нечем было жить... В это время у несчастного уже было трое детей...». Князь остановился лишь тогда, когда несчастный Туренин сошёл с ума.

Показательна и сцена, произошедшая между князем и крестьянами отсуженной Волтуховки, здесь Славутинский даёт образ доброго, милостивого – такого как должно – помещика Туренина и вскрывает волчью натуру князя, его безжалостность и показное добродушие: «Князь замолк и сел на завалинку избы, принадлежавшей старосте...

- А не имеет ли кто-нибудь из вас жалоб на Николая Туренина, вашего прежнего помещика? Если он кого-нибудь избидел, скажите мне, я ваш теперь владелец и заступник... И сила у меня есть, всё сдери с него!

- Много были довольны мы прежним-то помещиком, ваше осиятельство! - возразил староста Митрофан.- Отцом родным был завсегда... да сотвори ему господи всякую милость!.. Так, что ли, ребята?

- Так! так! - крикнули крестьяне хором.- Создай ему господи!.. Отца бы с ним не надоть, вот уж барин-то был!..

Князь свирепо взглянул на них, проворно встал с завалинки и уехал домой Он уже никогда после того не заглядывал в Волтуховку. Тотчас после этого посещения стали выгонять поголовно на работу в дальнее село старого и малого, мужика и бабу из Волтуховки. При деде они были на оброке, князь оброк усилил, да обложил ещё тяжелыми повинностями...»

Исследователи считают, что муссированная прорисовка писателями отрицательных черт дворян, создание ущербных или агрессивных образов представителей благородного сословия в конечном итоге воспитали в обществе ненависть к аристократии и спровоцировали революционные события первых десятилетий XX века. И благородные черты положительных, милостивых, образованных, трудолюбивых героев-дворян не смогли благотворно повлиять на ситуацию.

Библиографический список

1. М. В. Смахина. Воспитание ненависти: образ российского дворянства в произведениях художественной литературы XIX века // Вестник РУДН. Серия «История России». 2005 г. № 4, стр. 44-50
2. Славутинский С. Отрывки из воспоминаний. – Древняя и новая Россия. 1878 г. № 9, с. 45-46.
3. Эта и последующие цитаты: Славутинский С. Т. «История моего деда». Печатается по изд.: Славутинский С. Т. Повести и рассказы. М., 1860. [Электронный ресурс]
http://az.lib.ru/s/slawutinskij_s_t/text_1858_istoria_moego_deda.shtml

УСАДЬБА СЕМЬИ ВОЛКОНСКИХ

Булипоп И.О.,
научный сотрудник Историко-краеведческого
музея Яковлевского городского округа

Село Сабынино во всём Яковлевском городском округе, пожалуй, одно из самых красивых: раскидистые ракиты, тихий спокойный Северский Донец. Знаменито оно тем, что в давние времена здесь располагалось имение князей Волконских – богатых и влиятельных людей, широко образованных, с большими связями. Князья активно участвовали в общественной жизни России, и даже здесь, в Сабынино, их постоянно навещали известные в государстве люди, друзья, наведывался и царь Николай I (крестил детей).

История рода русских князей Волконских уходит в седую старину. Этот род берет свое начало от князя Михаила Всеволодовича Черниговского (умер в 1246 году), младший сын которого, Юрий, получил в удел Тарусу. Правнуки последнего - Константин, Иван и Федор переселились в Алексинский уезд, где приобрели вотчины на берегах реки Волкони, от ее имени и стали называться князьями Волконскими.

Один из их потомков, князь Андрей Романович, строил в конце XVI века Белгород на Донце. В одном из исторических источников упоминается, что в 1592 году он из Белгорода поехал на «поле» встречать под Азовом государева посла, ехавшего из турок. Второй раз судьба Андрея Романовича пересеклась с историей Белгорода в 1597 году, когда он был назначен в Белгород Северский вторым воеводою войск. Другой представитель рода, князь Григорий Константинович, пребывал в «товарищах» (т.е. помощником) воеводы Г.П. Ромодановского в «Новь-Беле-Городе» до конца 1601 года. В следующем году царь Борис назначил его послом в Крым, а в 1625 году он вновь оказывается на белгородской земле, в Валуйках. Здесь он умер во время переговоров с татарами в 1634 году.

Князь Федор Иванович Волконский в смутную пору (1604 - 1605 гг.) воеводствовал в Белгороде. Его сын Федор Федорович тоже был стольником и воеводою в Белгороде. Князь Иван Федорович в 1639 году воеводствовал в Усерде (город на территории Белгородской черты, который давно не существует). Потомки брата Ивана Федоровича – Петра Федоровича – поселились на Белгородчине. Им и принадлежало село Сабынино.

Основатель сабынинского имения, князь Иван Николаевич Волконский – участник Семилетней войны. Родился он в 1730, а в 1758 имел чин поручика. Его сын, князь Григорий Иванович Волконский, активный участник военных походов конца XVIII века, имел чин майора. Его женой стала Екатерина Платоновна Сумарокова, родственница известного

литератора. У них было пять детей: Борис, Николай, Петр, Надежда и Варвара. О двоих кое-что известно.

В селе Сабынино находилась родовая усыпальница князей Волконских. Хоронили умерших за оградой красивой каменной церкви. Церковь в 30-е годы прошлого столетия разрушили, а захоронения остались без присмотра. Могильных плит сохранилось три; на них высечены имена Бориса Григорьевича, Петра Григорьевича и Софьи Николаевны (урожденной Бахметьевой).

Жительница Сабынино, ныне умершая, Т.Д. Осташенко, предки которой служили у Волконских, рассказывала, что посреди усадьбы стоял огромный двухэтажный дом, фасад которого выходил на дорогу. К дому вели каштановые и липовые аллеи. За домом располагались дворовые службы, псарня. (Дом, в котором впервые годы советской власти размещалась школа, в годы Великой Отечественной войны был разрушен.) Припоминает, что у князей была девочка 8-9 лет, она часто ее встречала, а вот после Октябрьской революции девочка с матерью куда-то ушла. Местные жители не тронули князей, не было ни у кого зла на них.

Одним из погребенных в сабынинском некрополе был князь Борис Григорьевич Волконский, отставной капитан-лейтенант гвардейского экипажа (1794-1861 г.р.). В молодости он плавал на гвардейском фрегате «Россия», а после выхода в отставку жил в Сабынино. К тому времени у него было 116 душ крепостных, у его жены - 48.

Его внук, князь Дмитрий Александрович, в начале прошлого века был Белгородским уездным предводителем дворянства. Уездный предводитель дворянства - выборный глава дворянства уезда Российской империи.

Избирался дворянством уезда на 3 года и служил без вознаграждения, что делало эту должность почетной. Уездный предводитель дворянства, кроме исполнения им собственно дворянских сословных обязанностей, был активно вовлечен в общегосударственную деятельность. Закон предусматривал членство и председательство уездного предводителя дворянства во множестве комиссий, осуществлявших власть в уезде. Должность уездного предводителя была особенно ответственной и потому, что административная система Российской империи не предусматривала единого руководителя и единой администрации на уездном уровне (в отличие от губернского). Уездный предводитель, член и председатель большинства уездных учреждений, оказывался связующим звеном между разрозненными учреждениями и де-факто главой уезда. После пребывания в должности в течение трех трехлетних сроков предводители получали чин V класса (статский советник).

В начале XX века у него в Сабынино был конный завод. После окончания Николаевского юнкерского кавалерийского училища в 1884 году Дмитрий Александрович был направлен в 35-й Белгородский драгунский полк младшим офицером. Отсюда и его неистовая страсть к лошадям. Верховые лошади, выведенные на этом заводе, высоко

ценились покупателями.

Брат Бориса Григорьевича – Петр Григорьевич Волконский оставил более заметный след в русской военной истории. В 1823 году он в чине поручика переведен в лейб-гвардии Семеновский полк, где были сильны демократические традиции. Некоторые из офицеров стали первыми декабристами в России. Восстание Семеновского полка стало первым крупным выступлением против крепостничества, но репрессии, последовавшие за этим событием, не коснулись П.С. Волконского. Более того, выступление на Сенатской площади 14 декабря 1825 года тоже не отразилось на карьере удачливого офицера. Петр Григорьевич отличился в русско-турецкой войне 1828-1829 годов, за что был награжден серебряной медалью, а в 1836 году ему было пожаловано звание генерал-майора. Милостью царя он получил надел в 2000 десятин земли. Супругой Петра Григорьевича была Екатерина Михайловна Шишмарева. Их дом всегда был полон гостей. В своем кругу Петра Григорьевича называли на немецкий манер «Питером». Был он любителем псовой охоты и лошадей.

В основном князья занимались военным делом, служили в армии, потом уходили в отставку. Жили в Москве и Петербурге, на время приезжали в Сабынино. По воспоминаниям Анны Ивановны Скисовой, которая работала в имении поваром (со слов ее внучки Анны Павловны Немыкиной), к пристани приходила баржа (в конце XIX века река Северский Донец была судоходной), дворовые люди грузили для господ сушеные фрукты, моченые яблоки и другую снедь.

О Софье Николаевне Волконской (урожденной Бахметьевой), чье имя также высечено на могильной плите, сведений не так много. В «Ведомости о церкви за 1916 год», хранящейся в ГАБО, есть запись о том, что Александр Николаевич Волконский состоял старостой с 18 января 1906 года при Николаевской церкви, что во Ржавце Курской губернии, Корочанского уезда, которая находится в 35 верстах от Кривцово, 7 верстах от города Корочи. Как известно, 1877 году Софья Николаевна Волконская пожертвовала деньги - 3450 рублей на вечное время и 180 рублей на строительство каменной колокольни во Ржавце.

БИБЛИОТЕЧНОЕ ДЕЛО И НАРОДНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ XIX– НАЧ. XX ВВ.

Шиянова Г. В.,
заведующая сектором краеведения
МУК «ЦБС Ракитянского района»

Общественный подъем эпохи великих реформ в России 19 – начала 20 веков отразился и на библиотечном деле. В 1860-е гг. все сильнее проявлялась потребность в знании, и все более осознавалась необходимость библиотек для взрослого населения как главных учреждений для удовлетворения этой потребности.

В этот же период появились первые государственные акты, устанавливающие порядок открытия и регистрации общедоступных библиотек, правила их работы и источники поступления средств на их содержание. Законом от 6 апреля 1865 г. вводилась разрешительная система открытия библиотек.

В 1884 г. были приняты «Временные правила» о публичных библиотеках, фактически просуществовавшие до 1917 г.

С 1884 г. стали издаваться специальные «Алфавитные списки» запрещенных книг.

А с 1888 г. Ученый комитет Министерства просвещения начал выпускать каталоги изданий, разрешенных к приобретению в библиотеки, – так называемые «министерские каталоги».

В 1890 г. были изданы «Временные правила для библиотек, находящихся в ведении Министерства внутренних дел».

Согласно этим правилам, надзор за библиотеками должны были осуществлять инспектора народных училищ или священники, от учредителей библиотеки требовалась обязательная выработка устава и ходатайство перед губернатором об открытии библиотеки и утверждении её устава, а пополнение библиотек предусматривалось только по каталогам Министерства народного просвещения. Министерские каталоги ограничивали фонды народных библиотек: из всех существовавших в России

К концу 1890-х годов названий книг для народных библиотек были доступны лишь 3-3,5%, а из периодических изданий – 17%.

В 1905 г. императорским указом от 2 декабря правила 1890 г. были отменены, а бесплатные и народные библиотеки и читальни были подчинены общим правилам о публичных библиотеках, утвержденным в 1884 г.

Новые правила от 28 февраля 1906 г. упростили порядок открытия

народных библиотек при школах, отменили «министерские каталоги», что облегчило положение библиотек и дало возможность пополнять фонды более разнообразной литературой.

Библиотеки открывались при помощи земства, общественных организаций и частных лиц.

Первая народная библиотека была открыта в 1892 году.

Земская деятельность по организации бесплатных народных библиотек в Курской губернии стала развиваться два года спустя, когда устройством народных библиотек начали заниматься Петербургский и Московский комитеты грамотности.

Проследим историю возникновения библиотечной системы в Ракитянском районе.

Известно, что в 1895 году направлено прошение епископа Ювеналия начальнику Курской губернии А. Д. Милютину об открытии бесплатных народных читален в сёлах Ракитное, Трефиловка, Дмитриевка и др. (копия имеется в музее).

И в этом же 1895 году в селе Трефиловка была открыта библиотека, которая находилась при церкви. Фонд библиотеки состоял из псалтырей, Евангелия, молитвенников и часословов. Эти книги и читали жители села.

После войны изба-читальня находилась в помещении сельского совета. Первым библиотекарем была молоденькая девушка Вера Александровна Курганова, приехавшая из с. Венгеровки. Когда жизнь стала налаживаться, в селе открыли библиотеку. Первая библиотека размещалась в новом помещении (теперь это старое здание школы).

С 1946 по 1947 год заведующей библиотекой работала Татьяна Ивановна Гавриленко. В библиотеке рисовали молнии, шарады, выпускали стенгазеты.

В 1948 году в библиотеку пришел работать солдат-инвалид Егор Дмитриевич Козлов.

Долгие годы где только не размещалась библиотека: и в здании сельского совета, и в здании школы, а в 1952–1953 гг. она переехала в небольшую комнатку в новое здание клуба.

С 1956 по 2016 год сменилось много заведующих библиотекой. Работали девушки после учебы, парни после армии. С особой любовью жители села вспоминают Екатерину Петровну Осьмакову, проработавшую с 1974 по 1977 год. В селе ее называли ласковым именем Катюша.

В настоящее время библиотека находится в здании Трефиловского сельского Дома культуры. С декабря 2015 по июнь 2016 года в ней сделан капитальный ремонт, и библиотеке присвоен статус «модельная».

В 2016 году библиотекарем назначена Софья Мустафьевна Крылова, а с 2019 года и по настоящее время работает Оксана Михайловна Федоренко..

В слободе Ракитной 23 мая 1896 года в честь бракосочетания их

императорских величеств, царя Николая II и его супруги Александры Фёдоровны, открылась библиотека-читальня, о чем записано в докладе «Об утверждении попечителей библиотек-читален» Грайворонского очередного уездного собрания за номером 3718. А годом позже, согласно свидетельству об открытии №3817, 11 августа 1897 года в селе Дмитриевка также открылась библиотека. Попечителем библиотеки-читальни в слободе Ракитная решением Ракитянского волостного схода от 23 июня 1896 года №3 был назначен Георгий Александрович фон Менден – управляющий именем князей Юсуповых.

Первым библиотекарем был назначен учитель Ракитянского училища Косьминский Михаил Васильевич.

С начала библиотека размещалась в Юсуповском дворце в Зеленом зале. Простым грамотным жителям разрешалось пользоваться библиотекой.

После покушения и убийства Распутина последнего из рода Юсуповых - Феликса - сослали в слободу Ракитную – родовое имение князей. Феликс Юсупов много внимания уделил окультуриванию дворца: оборудовал теннисные корты, фонтаны, пополнялась и библиотека. Любимым вечерним занятием Юсуповых было чтение вслух.

Во время революции усадьба, где размещалась библиотека, была разграблена, некоторые книги сожгли. Старейшая жительница слободы Ракитной Сидорова Мария Петровна видела сожжение знаменитой Юсуповской библиотеки в костре на площади. Крестьяне выхватывали из огня некоторые книги. Марии Петровне тоже посчастливилось завладеть одной, это оказался дневник князя Феликса Юсупова в твердом переплете, отпечатанный на машинке. Когда у старой учительницы спросили: «Где дневник?», - последовал ответ: «В войну искурили».

В 1932 году на раkitянской земле было открыто 9 библиотек.

В 1936 году Юсуповский дворец отдали под среднюю школу, где продолжала работать библиотека.

Затем для общедоступной библиотеки было выделено другое здание, которое в настоящее время не сохранилось. Через некоторое время она была перемещена в здание между типографией и госбанком (в настоящее время жилой дом). Заведующим библиотекой был Федор Борисенко, библиотекарем Пестенко Анастасия Ивановна, которая потом заведовала библиотекой все 60-е годы.

Читатели 30-х годов вспоминают о том, что фонд библиотеки был закрыт, а книги выдавались по запросам через небольшое окошко. Читальный зал работал до 21-22 часов, где можно было пользоваться любой литературой. Детей обслуживали днем, а взрослое население и молодежь – вечером.

Перед Великой Отечественной войной (приблизительно в 1939 году) библиотека заняла здание церковной сторожки, ранее принадлежавшее князьям Юсуповым. Во время войны библиотеку разграбили и сожгли.

После войны библиотека помещалась на двух стеллажах и состояла из

книг, присланных Курской областной библиотекой.

1 июля 1949 года при районной библиотеке было открыто детское отделение, которое размещалось в читальном зале районной библиотеки.

Сохранились интересные факты из истории создания Илек-Кошарской библиотеки.

В 1926 году в центре села Илѣк-Кошары, на месте, где в настоящее время находится здание Илѣк-Кошарской администрации, стояла раскулаченная хата. В этой хате были отведены комнаты для сельского совета, почты и избы-читальни. Комнатушка у библиотеки была очень маленькая 3х3 м. Книг было очень мало, выдавались они через специальное окошко. Первым библиотекарем был Павел Иванович Рудыкин.

Со временем избы-читальню перевели в другую раскулаченную хату, которая стояла на месте теперешней автобусной остановки. В этой хате было 2 комнаты: в одной стояли деревянные стеллажи с книгами, в другой – столы и деревянные лавки. Изба-читальня в то время считалась центром проведения культурного досуга жителей села. Здесь могли поиграть в шашки, шахматы. На стене висела балалайка, мандолина, гитара. Людей приходило сюда очень много, особенно зимой. Здесь всегда было тепло, топили торфом. Изба-читальня была на бюджете сельского совета.

В 1966 году на колхозные средства в селе построили Дом культуры, куда и переехала библиотека. Ей была отведена специальная комната. Фонд значительно увеличился, появилась новая мебель. Библиотека работала с утра до самого позднего вечера. Идя вечером в кино, люди сначала заходили в библиотеку: читали, играли в домино, шашки, шахматы. Библиотека никогда не пустовала.

С 1967 года библиотекарем стала Елена Николаевна Филипенко, ее сменила Прасковья Павловна Здоровцова.

С 26 мая 2006 года на должность заведующей библиотекой пришла Ольга Ивановна Иващенко, которая работает в библиотеке по настоящее время.

В 2007 году библиотека капитально отремонтирована и оснащена техническими средствами. 5 декабря 2013 года Илѣк-Кошарская библиотека-филиал № 15 получила статус модельной.

1 июля 1953 года была открыта районная детская библиотека. Заведующей стала Полина Васильевна Горбатовых.

Затем на её место была назначена Анастасия Ивановна Пестенко, а библиотекарем была принята Екатерина Макаровна Стронина, которая проработала с 1953 по 1979 год.

Детская библиотека размещалась при районной библиотеке в отдельной комнате. Затем на переулке Советский для библиотеки был куплен частный дом. Здесь были отдельные комнаты для читального зала, книгохранилища и абонемента.

В библиотеке работали С. И. Кобыляцкая, А.М. Маслова, В.Ф.

Цыбулева, Н.В. Белоусова. Заведующей детской библиотекой до 1966 года была Анастасия Ивановна Пестенко.

В 1968 году детская библиотека переехала в здание ДК. Со временем были приобретены новые книжные шкафы, столы для читателей, стеллажи для оформления книжных выставок.

С 4 января 1967 до 1975 года заведующей детской библиотекой работала Валентина Дмитриевна Пестенко.

В 1990-х годах библиотека заметно похорошела и обновилась. Был сделан ремонт, приобретена новая мебель: шкафы, столы, стулья, деревянные стеллажи, кафедры, детский уголок, шторы, дорожки. Для наиболее полного охвата читателей в школе-интернате, в детском саду были организованы пункты выдачи книг.

С 1995 по 2013 год Центральную детскую библиотеку возглавляла Татьяна Николаевна Попова. В 2013 году на должность заместителя директора по работе с детьми переведена Елена Николаевна Калашникова.

В июле 2013 года завершен капитальный ремонт библиотеки.

В 2015 году ей придан статус модельная.

Заведующей районной библиотекой с 1959 по 1996 годы работала Качалова Зоя Николаевна.

В 1979 году на основании приказа № 61 §2 по Ракитянскому отделу культуры от 1 сентября 1979 года произошла централизация 35 библиотек Ракитянского района, т.е. создана централизованная библиотечная система.

В 1991 году образовался Краснояружский район, куда отошла часть библиотек из Ракитянского района.

С 1980 года и по настоящее время библиотека расположена в помещении, пристроенном к Дому культуры, которое предназначалось для ведения хореографических кружков.

С 5 сентября 2002 по апрель 2024 годов директором ЦБС была Голева Галина Ивановна.

С 1 апреля 2024 года библиотечную систему Ракитянского района возглавляет Наталия Викторовна Кудинова.

В настоящее время в Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система Ракитянского района» входят 26 библиотек, из которых 16 библиотек имеют статус «модельная».

Сегодня Централизованная библиотечная система является неотъемлемой частью местного сообщества. Её библиотеки являются информационными, просветительскими и культурно-досуговыми центрами.

Благодаря современному интерьеру и техническому оснащению в библиотеках района созданы комфортные условия не только для чтения и общения, но и содержательного досуга.

В настоящее время в МБУК «ЦБС Ракитянского района» работают 59

специалистов, с высшим образованием – 49, средним специальным – 10, со стажем библиотечной работы свыше 10 лет – 47 человек.

Благодаря высочайшему профессионализму специалистов, библиотечная система с 2013 года по настоящее время Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система Ракитянского района» занимает первое место в областном рейтинговом соревновании по информационно-библиотечному обслуживанию населения

Её возглавляла талантливый руководитель, а ныне ветеран библиотечного дела Голева Галина Ивановна, проработавшая в библиотечной системе 45 лет.

Но сотрудники библиотеки не собираются останавливаться на достигнутом, они строят планы на будущее и полны новых идей.